

Мечное будущее

**СЕРГЕЙ
ЛУКЪЯНЕНКО,**

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН,

**СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ,**

ЮЛИЯ ЗОНИС,

МАКСИМ КАБИР

и другие

**Лучшая фантастика
2024**

Книги Сергея Лукьяненко

Дмитрий Казаков

**Точное будущее. Лучшая
фантастика – 2024**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Казаков Д. Л.

Точное будущее. Лучшая фантастика – 2024 / Д. Л. Казаков —
«Издательство АСТ», 2023 — (Книги Сергея Лукьяненко)

ISBN 978-5-17-159559-3

В жизнь современного общества в одночасье ворвались новые технологии: ИИ, виртуальная реальность, нейросети, биотехнологии, крионика. Как в условиях их воздействия не растерять своих лучших качеств, данных при рождении? На эту тему попытались поразмышлять авторы сборника «Точное будущее» — и признанные мастера, и совсем молодые писатели-фантасты. Их герои сталкиваются со все новыми и новыми вызовами, которые необходимо преодолеть и при этом постараться остаться человеком. Кому-то это удастся, кому-то нет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-159559-3

© Казаков Д. Л., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Сергей Лукьяненко	6
Эльдар Сафин	12
Юлия Зонис	25
1. Студент	25
2. Десенситизатор	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

**Александр Белаш, Алексей Гравицкий,
Андрей Щербак-Жуков, Дарья Зарубина,
Дмитрий Казаков, Евгений Лукин,
Людмила Белаш, Максим Кабир, Святослав
Логинов, Сергей Лукьяненко, Ульяна
Волина, Эльдар Сафин, Юлия Зонис
Точное будущее
Лучшая фантастика 2024
Сборник повестей и рассказов**

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© А.Т. Синицын, составление, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Сергей Лукьяненко

Электорат

Тимур Аркадьевич Петров, кандидат на пост мэра столицы, общался с консультантом в своем кабинете.

Десять лет Петров работал в московском правительстве и все эти годы продвигался к своей цели – должности градоначальника. Петров был вхож в высокие государственные кабинеты, со своей работой – экологическим благополучием города – справлялся достойно, ни в одном скандале замешан не был. Жена его работала рядовой учительницей китайского языка в младших классах, дети учились в самой обычной районной школе, на службу Петров ездил исключительно на электрическом велосипеде, отдыхал на старенькой даче в Крыму – в общем, все попытки конкурентов собрать на него компромат и опорочить оканчивались ничем. Действующий мэр уходил на пенсию и прочил Петрова, явно и неявно, в преемники.

– Будь выборы в конце двадцатого века или начале двадцать первого – победа была бы у вас в кармане, – сказал консультант. – Но сейчас, в шестидесятые... Вы же понимаете, Тимур Аркадьевич, биографии идеальные у всех кандидатов.

Петров понимал. В эпоху полной информационной прозрачности претендовать на успех в карьере можно было лишь не имея никаких явных изъянов и устраивая всех без исключения.

– А сейчас каков расклад? – сохраняя спокойствие, спросил кандидат.

– Экологи за нас, разумеется, – консультант включил смартфон и раскрыл над столом голографический экран. – Это восемь с половиной процентов голосов. Велосипедисты за нас лишь частично...

– Почему? – возмутился Петров.

– Вы все-таки используете электрический велосипед, – вздохнул консультант. – Тру-велосипедисты этим недовольны. А ведь я предлагал чаще крутить педали! Так что из одиннадцати процентов мы можем рассчитывать лишь на пять. Лига феминисток относится к вам нейтрально, но тут уж ничего не поделаешь – вы мужчина. А ведь я...

– Нет, – твердо сказал Петров.

– Процента два голосов мы у феминисток получим, – вздохнул консультант. – Спасибо вашей супруге! Когда стало известно, что она иногда сподвигает вас готовить дома, это произвело хорошее впечатление.

– Вы бы знали, чего это нам стоило, – мрачно сказал Петров. – Я не умею готовить. Жена иногда тайно выливала мой борщ и...

– Я не хочу ничего об этом слышать! – консультант протестующе вскинул руки. – Ла-ла-ла, ла-ла-ла, я ничего не слышу! И вам лучше помалкивать. Так вот, два процента голосов феминисток – неплохой результат, но зато Движение за равноправие мужчин обижено вашей податливостью. А это минус три процента.

Петров вспомнил те чудовищные кулинарные шедевры, которые вынуждена была последний год публично употреблять его семья. Вспомнил, как жена ночью прокрадывалась на кухню, в темноте готовила суп с мясом, а потом они всей семьей, в молчании, ели его прямо из кастрюли... И все это зря! Он вздохнул.

– Зато Лига кошатников и Друзья собак принесут нам четыре процента голосов! – порадовал его консультант. – Это был прекрасный ход, когда ваша кошка выкормила щенка. Шестнадцать с половиной процентов избирателей – прекрасное начало.

– Дальше? – спросил Петров.

– С религией, как вы понимаете, мы принципиально не связываемся, так же как с большой политикой и национальным вопросом, – сказал консультант. – Но ваши слова «я не знаю,

есть ли Бог, но все еще ищу свой путь к познанию абсолюта» были восприняты положительно. Все национальные диаспоры и политические партии относятся к вам нейтрально и, скорее всего, разделят голоса поровну между вами и конкурентом.

Петров вымученно улыбнулся.

Назначение должностных лиц давно уже проводилось не путем указания сверху или прямого голосования горожан. Каждый горожанин делегировал свой голос той или иной группе, представляющей его интересы. Это могла быть политическая партия, религиозная конфессия, клуб филателистов, спортивное общество – в целом, любое объединение граждан. А вот те уже выбирали, за кого голосовать...

– Как болельщики? – спросил он.

– Сложно, – признал консультант. – С одной стороны, вы человек любящий спорт и состоите в движении поддержки практически всех клубов. С другой – ваш конкурент сам вышел из спорта...

Петров тяжело вздохнул.

Его основным конкурентом была бывшая футболистка столичного «Спартака». Мало того, она первой из женщин стала играть за основной состав. Это сейчас немыслимо представить себе спортивную команду, за которую выступают только мужчины. А двадцать лет назад лишь шахматистки могли выбирать, играть им на женских турнирах или вместе с мужчинами...

Но те времена ушли, и его конкурент была символом новой эры.

– Скорее всего, вы получите от спортивных клубов шесть процентов, а ваш конкурент – семь с половиной, все-таки «Спартак» самая популярная команда в Москве, – сообщил консультант.

– Дальше.

– Любители классической музыки, балета и чтения книг дадут нам в сумме около процента, – вздохнул консультант. – У вас не самые распространенные увлечения. Мне грустно это признавать, но боюсь, что мы проигрываем около десяти процентов голосов.

– Десяти? – Петров вскочил. Пробежался по кабинету. Посмотрел в окно на Москву – город, который он искренне любил и мечтал сделать еще лучше. – Но у моей уважаемой...

Консультант закашлялся.

– У моего уважаемого соперника женского пола, – поправился Петров, – нет никакой внятной программы развития города! Сплошные скверы и спортивные площадки! Она не имеет никакого опыта! Последние десять лет она была домохозяйкой...

– Семь процентов голосов от Общества домохозяек, – вздохнул консультант.

– Десять процентов, – пробормотал Петров. – Десять. До выборов неделя, я проигрываю десять процентов... футболистке... есть лишь один путь...

– Я категорически не советую! – воскликнул консультант. – Лучше достойно проиграть и пойти на следующие выборы!

– Нет, я рискну, – твердо сказал Петров. – Я попробую получить помощь.

Консультант встал. Как и положено хорошему советнику, он был человеком плохо определяемого пола (хотя Петров подозревал, что все-таки мужчина), возраста и национальности. Лицо его всегда хранило спокойствие. Но сейчас даже сквозь эту каменную маску прорезалось раздражение.

– Я вам запрещаю, – сказал консультант. – Это бесполезно и даже опасно. Если же вы будете настаивать, я воспользуюсь пунктом семнадцать подпункт четыре нашего соглашения и уволюсь с должности вашего консультанта.

– Увольняйтесь! – бросил в сердцах Петров.

Консультант, качая головой, вышел. Петров остался один.

Среди всех мыслимых и немыслимых объединений горожан, начиная от могучих объединений феминисток, велосипедистов и самокатчиков и заканчивая скромными любителями

перетягивания каната или создания оригами, была лишь одна серьезная сила, которая традиционно не голосовала ни за кого. Пятнадцать процентов голосов были способны повлиять на любой расклад, но вот уже много лет любой политик или чиновник, рискнувший обратиться к ним за помощью, был осмеян, опозорен и навсегда выбывал из предвыборной гонки.

Но у Петрова другого выхода не оставалось.

Заперев за консультантом дверь, он уселся за рабочий стол. Вытащил из ящика стола нераспакованную коробку, на которой был изображен черный зеркально поблескивающий шар. Некоторое время медлил, собираясь с духом.

Потом вскрыл коробку и достал из пенопластовой упаковки шлем виртуальной реальности. В руках Петрова шлем сразу ожил – замигал зеленым огоньком на темени, слабо засветился изнутри.

– Пан или пропал, – сказал Петров, привычно задумываясь, не могла ли эта фраза кого-нибудь обидеть – к примеру, поляков? Их в Москве не много, но это тоже электорат...

Внутри шлема что-то зашуршало. Петров вздохнул и надел его на голову.

Несколько секунд перед глазами что-то сверкало, мельтешило – шлем подстраивался под Петрова. Потом в висках закололо, и Петров очутился посреди вымощенной булыжником площади. Кабинет исчез.

Петров оказался в Виртуальной Москве, месте, где обитала одна из самых больших московских диаспор.

Вот уже много лет, с тех пор как виртуальная реальность стала неотличимой от обычной, множество людей предпочитали проводить свою жизнь в иллюзорном мире. Здесь они работали (благо, большая часть современного труда состояла в работе за компьютером), отдыхали, развлекались, выходя в реальность лишь для самых необходимых физиологических нужд. Многие, насколько было известно Петрову, годами не переступали порог своих квартир.

Кандидат в мэры стоял на площади, покрытой асфальтом, плавящимся от жаркого летнего солнца. Из-за многоэтажных бревенчатых изб проглядывали кремлевские стены и храм Василия Блаженного. По площади с грохотом ехали кареты и причудливые старинные автомобили. В небе плыл исполинский дирижабль с надписью «ОСОАВИАХИМ». Гуляли люди – одетые столь же эклектично. Мужчины в большинстве своем были в доспехах древнерусских воинов, но попадались и могучие братки в малиновых пиджаках и с золотыми цепями на бычьих шеях, и военные со шпалами в петлицах. Женщины в основном предпочитали длинные платья, хотя многие были в ярких сарафанах и разукрашенных драгоценными камнями кокошниках. Практически все женщины были красивы и практически все мужчины – мускулисты и высоки.

Некоторые избы были украшены яркими вывесками с названиями существующих и давно исчезнувших торговых брендов. Под яркими зонтиками кафе посетители ели блины с черной икрой (сердце эколога возмущенно сжалось, но кандидат вовремя напомнил себе, что икра не настоящая).

– Что это? – пробормотал Петров.

– Отвечаю на ваш вопрос, – с готовностью откликнулся проходящий мимо военный. – Вы, Тимур Петров, находитесь в реально-виртуальной Москве, воплощающей в себе все славные этапы ее развития. Это так называемая зона «песочницы» для новоприбывших, мирная и дружелюбная, в которой вы можете приодеться, отдохнуть и выбрать, куда именно отправитесь. Наиболее популярные зоны – Древняя Русь, война с Наполеоном, Великая Отечественная, эпоха братков и годы создания Большой Москвы...

– Некогда мне отдыхать, – сказал Петров, сообразивший по ровному заученному тексту, что с ним говорит программа. – Я кандидат в мэры Москвы. Настоящей Москвы. Мне надо поговорить с вашим руководством.

– Соединяюсь с оператором, – сказал военный. Склонил голову на плечо и замер.

Петров ослабил узел галстука – увы, дресс-код был самой, пожалуй, консервативной вещью на свете – и стал ждать. Солнце припекало голову, но через минуту на небе появилась маленькая тучка, аккуратно бросившая свою тень на Петрова. «Песочница» и впрямь была дружелюбной. Высоко в небе пролетел реактивный самолет. За ним, редко и тяжело взмахивая крыльями, пытался угнаться трехголовый дракон.

Военный шевельнулся и развязно сказал:

– Привет! Ты Петров, Тимур Аркадьевич, верно. Что нужно?

– Со старшими вашими поговорить, – хмуро сказал Петров.

– Помощи пришел просить, – кивнул собеседник. – Голоса в поддержку. Так мы к вашей Москве никакого отношения не имеем. У нас Москва реальная – виртуальная, мы ее строим и в ваших услугах не нуждаемся. На метро из Сергиева Посада в Звенигород не ездим, по паркам Капотни не гуляем. Сплошная выгода и экономия, никакой нагрузки на городские службы. Но и голосов мы никому не даем, ясно?

– Главные-то у вас есть? – продолжал Петров гнуть свою линию. – С ними хочу поговорить.

– Настырный, – без всякого уважения сказал собеседник. – Да мне-то что? Сигнал я направил, поговорят с тобой. Пошли...

Вслед за военным Петров побрел мимо многоквартирных изб. Направлялись они явно к Кремлю.

– Вот вы говорите, что городскими инфраструктурами не пользуетесь, – начал по пути Петров. – А ведь электричество городское получаете? Мыться моетесь, еду едите, канализацию... тоже используете...

Офицер демонстративно зевнул, и Петров замолчал. С пространством в виртуальной Москве происходило что-то странное – только что они подходили к Василию Блаженному, потом почему-то оказались возле Манежа, а Кремль был впереди, и вот уже были возле Оружейной палаты.

– Как-то тут у вас... причудливая география... – не выдержал Петров.

– Так это Москва такая, причудливая, – ответил его провожатый невозмутимо.

К тому моменту, когда Петров пришел в Большой Кремлевский дворец, он уже устал чему-то удивляться. Даже увидев, как заряжают Царь-пушку, чтобы прямой наводкой стрелять по приближающейся наполеоновской коннице, Петров лишь покачал головой и вздохнул.

И вот от этих фриков, от этих комедиантов, разыгрывающих свои бесконечные клоунады, зависит будущий облик великого города!

Руководство Виртуальной Москвы встретило Петрова по-простому – в Грановитой палате. Посреди главного зала стояло три стула, на одном сидела женщина в старинном платье, на другом сухонький старичок, похожий на Ивана Грозного, а на третье уселся сопровождавший Петрова офицер – чему тот не удивился.

– Зачем пожаловал? – спросил старичок и мерзко захихикал. Петров решил, что старичок больше похож на Кощея, чем на Грозного, но ответил вежливо:

– Вы же сами знаете. Я баллотируюсь в мэры Москвы.

– И проиграете одиннадцать с половиной процентов, – сказала дама.

– Десять, – возразил Петров.

– Одиннадцать с половиной. Мы посчитали, – офицер закинул ногу за ногу и продолжил: – Не будем мы тебе помогать, Петров.

– Я вам не нравлюсь? – предположил кандидат.

– Что за детский сад, нравишься – не нравишься, – старичок замахал руками. – Пойми, наше сообщество потому и ушло в виртуальность, что не видит смысла вмешиваться в обычную жизнь. А знаешь, почему не видит?

Петров пожал плечами.

– Да потому что выборы как таковые никому больше не нужны. Когда-то царь назначал чиновников и решал, плохи те или хороши. Не так важно было горожанам угодить, как царю. Потом решили доверить выбор всем гражданам. Не так важно было город развивать, как людям понравиться. Лучше стало?

– Не уверен, – признал Петров.

– Правильно не уверен. Потому что люди по природе своей перемен не любят. А любое развитие состоит из перемен, и не всегда они на первый взгляд очевидны и полезны. Знаешь, как парижане барона Османа не любили? А ведь тот из ужасного мрачного Парижа сделал город, который «увидеть и умереть». Кто у нас теперь чиновников выбирает?

– Зарегистрированные группы активных горожан, – вздохнул Петров. – Каждый сам решает, что для него важнее, кто он – вегетарианец, самокатчик или домосед и отец семейства.

– Правильно, – сказала женщина. – В группах нивелируются частности и вырабатывается единое мнение. Одному нужны экология и велосипедные дорожки. Другому – метро возле дома и запрет шума по вечерам. Третьей – хорошая школа для детей и танцевальная студия во дворе. Так нынче и выбирается мэр. Но нам-то, дорогой гость, ничего этого не нужно! У нас, в виртуальности, все получают ту Москву, которую хотят. И в пространстве, и во времени. Есть Москва, где храм Христа Спасителя не сносили. А есть такая, где бассейн «Москва» работает. В одной Москве сражения идут, а в другой – балы и концерты. Ну зачем нам ваши скучные проблемы и споры – где скамейки поставить, а где новый аэропорт заложить? У нас даже космодром есть. И парк для выгула драконов.

– Я вам пригожусь, – от безнадёги произнес Петров. – Интернет лучше сделаю...

Трое его собеседников дружно засмеялись.

– Интернет – неотъемлемое право человека, так в конституции записано, – сказала женщина. – И куда уж его лучше-то делать? Думаешь, ты первый к нам пришел? Твои конкуренты тоже за поддержкой приходили. Как пришли, так и ушли.

– И футболистка приходила? – мрачно спросил Петров.

– Конечно. Предлагала всякие блага. Только нам это не нужно.

– Но я же буду прекрасным мэром! – не сдавался Петров. – Сделаю Москву лучше!

– И она будет, – ответил старичок. – И она сделает. Раньше, бывало, граждане выбирали между хорошим и плохим. А теперь между хорошим и хорошим. И всем, кто приходил, мы сказали: будете давить, так мы найдем у вас неоплаченный двадцать лет назад штраф за парковку.

– Или чужие материалы в докторской диссертации! – ехидно сказал офицер, буравя Петрова ледяным взглядом.

– Ничего вы у меня не найдете, – твердо сказал Петров. – Диссертацию я сам писал, за парковку велосипеда всегда плачу.

Петров почувствовал, что выдержка начинает ему изменять. Он так много лет был идеальным! Он старался нравиться всем – и ведь преуспел в этом. Да, были те, кому он нравился меньше, но никого, кто бы действительно его невзлюбил. И у него были такие грандиозные планы! Подземная Москва – куда ушли бы все автодороги, оставив поверхность для пешеходов и велосипедов. Парки, накрытые прозрачными куполами – чтобы вопреки климату Москва оставалась зеленой весь год. Тематические районы Москвы – чтобы как здесь, в виртуальности, так и в настоящем мире каждый мог почувствовать себя живущим в интересную ему эпоху.

Ну разве его конкурентка задумывала такие грандиозные планы?

Петров привычно остановил себя. Может, и задумывала. Но не озвучивала. Потому что озвучить что-то по-настоящему масштабное и необычное – это заполучить врагов. Протестное голосование от каких-нибудь могущественных общественных организаций. Поэтому все кандидаты говорят хорошие правильные вещи, не затрагивающие никаких основ.

И стараются никого не рассердить.

– Средневековье, – мрачно сказал Петров.

– Что? – удивилась дама. Извлекла откуда-то лорнет и с любопытством посмотрела на Петрова.

– То, как мы нынче выбираем градоначальника, – это средневековая система, – сказал Петров. – Когда собирались гильдии и решали, кто будет главным. Кожевники за одного, кузнецы за другого, колбасники за третьего. И никто конкретно за выбор не отвечал. И поэтому ничего по-настоящему великого мы в Москве уже полвека не делаем. Лишь бы никого не обидеть, никого не задеть! Все ведь и так хорошо, к чему усложнять! А вы – дезертиры! Хотели сделать жизнь вокруг интереснее – и убежали в виртуальный мир. Нарисовали себе Москву и довольны! Знаете, что я сделаю? Я все равно пойду на выборы! И выиграю их! А когда выиграю – я вас прикрою! Потому что виртуальность вредно сказывается на экологии и городской инфраструктуре! А Москву я сделаю такой, что вы от зависти на стену ползете! Заставлю каждого решать, каким будет город, построю тематические кварталы старинных архитектурных стилей, а еще... а еще в Сергиевом Посаде открою парк с клонированными динозаврами, а в Химках – городок старинного деревянного зодчества!

Продолжая ругаться, Петров стянул с себя шлем виртуальной реальности и исчез из Грановитой палаты.

Трое оставшихся переглянулись.

– А ведь он нам нагрубил! – с восторгом сказал офицер. – Нагрубил самой большой и влиятельной части электората!

– Динозавры... – пробормотал старичок. – Я всегда любил динозавров. Вы смотрите, единственный из всех кандидатов, кто не побоялся предложить что-то неожиданное.

Дама некоторое время размышляла. Потом произнесла:

– Мы тут и впрямь засиделись, расслабились. Нам от внешнего мира ничего не надо, ссориться с нами тоже бояться. Никакого стимула для развития.

Трое руководителей Виртуальной Москвы переглянулись.

* * *

Выборы на пост мэра Москвы Тимур Петров ко всеобщему (в том числе и своему) удивлению выиграл с перевесом в два процента голосов. За него отдала свои голоса Виртуальная Москва, которая традиционно никогда не участвовала в выборах. Прошел слух, что Петров-то на самом деле – известный деятель виртуального мира, победитель множества онлайн-игр и знаменитый на весь мир хакер. Это привело к его безумной популярности среди молодежи, которая собиралась проголосовать за него и на следующих выборах.

Транспорт с московских улиц Петров и впрямь убрал под землю, Сокольники, Измайловский парк и Ботанический сад накрыли стеклянными куполами, а на окраине Большой Москвы построили парк с динозаврами.

Несмотря на неожиданную поддержку, Петров все-таки попытался исполнить и свое самое грозное обещание – ограничить виртуальный мир в правах. Он подготовил целое выступление о вредном влиянии виртуальности на экологию и здоровье, где предлагал обязать всех граждан без исключения проводить не менее двух суток в неделю в реальной Москве без всякого интернета.

За два часа до выступления в кабинет к мэру Москвы принесли старинное бумажное письмо, недавно вновь вошедшее в моду. Петров раскрыл конверт и обнаружил внутри фотографию, на которой он, юный студент МАРХИ, выкидывает пустую стеклянную бутылку из-под лимонада в мусорный ящик с надписью «Пластик».

Петров поразмыслил и отменил выступление. Есть на свете вещи, которые не под силу даже московскому градоначальнику.

Эльдар Сафин

За пределом дозволенного

«Божественный вестник»

Алоха! Вначале кратко. В Черноземье засуха, adeпты Деметры и Диониса провели трехдневный фестиваль, заработав полтора миллиона новых рублей. Первые дожди прошли еще во время фестиваля.

Сергей Гоз, профессор медицины и адепт Морфея, во время сеанса гипноза в прямом эфире вылечил двадцать человек от заикания!

Нина Еремина, главврач ДГБ-2 Сыктывкара, в попавшей в Сеть записи назвала бога Асклепия «дешевой нейросеткой», Горздрав разорвал с ней контракт, обсуждают отзыв медицинской лицензии и лишение статуса адепта.

Больше божественных новостей на нашем канале!

А сейчас – подробнее!

* * *

Сенека позвонил рано вечером, часов в восемь, – Елка только встала и варила кофе на древней, покрытой трещинами индукционной плите.

– Лена, вопрос на сто рублей, взбесился процессор в приставке «Звезда-2», надо пере-
прошить.

Елка поджала губы, наблюдая, как пена рвется из глубины турки. За мгновение до побега выключила плиту.

– Процессор чебоксарский? ПК-14? – уточнила она и, не дожидаясь и без того очевидного ответа, добавила: – Чебоксарские не шьются.

Из телефона послышалось пыхтение. Современные аппараты отсекают лишние звуки, нормализуя голос и превращая общение в беседу адептов Афины с идеальной дикцией.

Но Елка пользовалась восьмилетним северокорейским «Чучхе», который ловил мобильную сеть даже там, где другие аппараты переключались на платные спутниковые частоты.

Ее телефон передавал все богатство артикуляции собеседника – и хрипы, и междометия, и пыхтение, которым славился Сенека.

– Ты говорила, что шьется все. Вопрос цены, – Сенека решил надавить. Обычно он, мечтая вытащить Елку на свидание, с ней не спорил. Видимо, в этот раз случилось что-то серьезное.

– Это очень дорого, – пробормотала Елка, переливая кофе из турки в чашку.

Кофе пару лет назад поднялся в цене, при этом упав в качестве. Кофеин в приступе очередной бессмысленной борьбы объявили наркотиком. Но она выкрутилась и пила дешевый и неплохой контрабандный турецкий, который ей через учеников доставал Сенека.

– Лена, это приютовская приставка. Надо починить.

Елка, едва поднеся чашку к губам, выдохнула. Сенека преподавал информатику в местном колледже, готовящем из пьющей и матерящейся молодежи операторов станков с ЧПУ.

Получал мало, нервничал много, а потому для души и заработка брал в ремонт негарантийные телефоны, приставки, очки и стики. Потом прибил к приюту с сиротами – Елка подозревала, что сделал он это из-за нее, не понимая, что ей на это чуть более чем плевать.

И начал ремонтировать им технику – бесплатно, конечно же. Елка, которая все время подтрунивала над Сенекой, по поводу приюта ни разу не позволила себе ни единой колкости.

– Ну, тащи, чего уж там.

Насчет невзламываемости она не лгала. Ни на одной конфе Елка не встречала отчетов об удачном крике.

Минут десять после вызова Елка медитировала: в свое время она почти два года провела в секте Ареса и оттуда в числе прочего вынесла любовь к медитациям.

Сенека постучал в дверь в тот момент, когда Елка расслабленно допивала последний глоток остывшего кофе.

Он привычно потянулся обнять подругу, Елка привычно увернулась, отбирая по ходу движения пакет с приставкой и дешевым тортиком.

Сразу прошла в комнату, села за рабочую деку, звуком щелчка пальцев разблокировав ее. У Елки было три деки – рабочая, домашняя и выездная. Рабочая отличалась от остальных тем, что не была подключена к Сети.

После взлома три года назад, когда неизвестная команда выпотрошила ее закрома, оставив мерзкий вирус, въевшийся в железо, она отключила рабочую деку от всего.

Нужное ПО Елка переносила через защищенный госуслуговский чип в предплечье, который аккуратно доработала собственной, почти ванильной прошивкой.

– Я чай поставлю? – поинтересовался Сенека.

Елка не ответила – это, впрочем, и не требовалось. Гость отлично ориентировался у нее дома, у него даже был собственный комплект ключей.

Она вытащила приставку – легендарная «3-2», устаревшая еще до выхода, с портированными зарубежными играми, честно украденными в момент наивысшего расхождения в мнениях с «партнерами».

Потом на нее, конечно же, написали свои игры. И некоторые, по слухам, были неплохи. Впрочем, для Елки компьютерные игры были схожи с мастурбацией – вроде и удовольствие, но не настоящее, не оставляющее после себя ничего ни уму, ни сердцу.

Другим она свое мнение не навязывала.

– Смотрела стрим с Павленко? – спросил из кухни Сенека и, не дождавшись ответа – он знал, что Елка не смотрела, – продолжил: – К нему снизошел Аполлон, прямо в процессе. Ты бы видела, что он творил с холстом! Там потом музеи в прямом эфире бились за картину, «Метрополитен» купил за миллион юаней.

Елка подключила приставку к деке, тут же сняла в консоли полтора десятка ошибок, выпрыгнувших из-за отсутствия Сети, открыла интерфейс и поинтересовалась:

– А в чем проблема? Приставка же грузится, работает.

– Да? Проц же в первую секунду память всю сжирает и интернет жрет терабайтами, а игры не запускает.

– Пока никаких признаков проблемы. – Елка ткнула в первую попавшуюся иконку с мультяшным авто. – Все грузится.

Сенека некоторое время наблюдал, как Елка неуклюже ездит по извилистой трассе.

– Ну, я же не дурак, – пробормотал он.

Елка хмыкнула.

* * *

Сенека и впрямь дураком не был, но порой тупил весьма отчетливо. Елку, изъятую из секты Ареса, после социализации в клинике отправили в промтех. Она быстро – мгновенно по меркам училища – освоила скрипты, и молодой препод Сенека – тогда просто Саня – тут же взял над ней шефство.

После обучения, перед дипломом, она осознала, что придется отрабатывать три года на заштатном заводе оператором устаревшего станка, что ее буквально вбивало в депрессию.

После детства в приюте и юности в секте Елка рассматривала свое тело как ресурс. Она не гордилась этим и не любила сейчас вспоминать.

Саня ей нравился, он смеялся над ее неуклюжими шутками и зимой носил пушистый шарф с оленями, который она иногда трогала украдкой.

Он оказался легкой целью – достаточно было сделать пару намеков и случайно прижаться бедром к преподавателю, не пытаясь тут же отстраниться, как он «поплыл».

За пару дней до выпускного экзамена Елка проснулась в постели Сани.

Он считал себя совратителем малолетних и был готов тут же жениться, искупая вину. Чуть надави – и он бы сдался в полицию или ушел в православный монастырь, а то и какой-нибудь ашрам из наплодившихся за последние годы.

Конечно же, он устроил ее на фиктивную ставку на ближайший завод. Кто там получал за нее зарплату, Елку не интересовало. По налоговым отчислениям на Госуслугах Елка наблюдала за своейдвигающейся карьерой и получала вычеты.

Но с Саней получилось нехорошо. Надо было сразу рвать. Ради него. Но она испугалась, что он не устроит ее на завод «мертвой душой», и осталась рядом, хотя и держа на расстоянии.

Раз в месяц-два они спали вместе, иногда он водил ее в дешевые кафешки.

Их отношения – изначально не слишком крепкие – застыли. Как-то он позвал ее в ресторан, и она заметила в кармане его пальто бархатную коробочку.

Она вытащила ее осторожно перед рестораном, потом наблюдала, как он шарит по карманам, а когда обнимались перед прощанием, сунула обратно.

Тем же вечером, размышляя о том, что она не дает ни ему, ни себе нормально жить и что надо бы с ним порвать, Елка не заметила открытый люк и провалилась внутрь. Обошлась сломанной в трех местах челюстью – хотя могла и погибнуть.

Открыв глаза в больнице, увидела его.

Оба сделали выводы: он не пытался сделать предложение, она отказалась от идеи порвать с ним.

А еще она три недели не могла назвать его Саней – выговаривался только «Сене». Так появился и прижился «Сенека».

На жизнь она зарабатывала в Сети. Еще в приюте Елка научилась делать лендинги, парсящие промокоды на шмотки, гаджеты, суши и пищу с агрегаторов и продвигать их в Сети. Люди регистрировались на ее страницах, вбивая почту и пароль, а она с помощью скрипта проверяла, подходит ли пароль к их почте, и в трех случаях из десяти он подходил.

Выгребала данные из почты, обезличивала и продавала – скупщикам, набирающим массивы для обучения нейросетей.

Она могла взламывать и обналачивать карты, и ее учителя в приюте так и делали. Но сейчас все они уже имели блокиеры в правах, а Елка все еще оставалась чиста в глазах закона.

Денег зарабатывала не много – едва хватало на оплату еды и счетов.

Ее все устраивало.

* * *

– У меня приставка не работала, – сказал Сенека. – Я ее раз пять включал.

Елка вышла из игры, перегрузила приставку, убрала ошибки, попробовала еще раз – все подгружалось.

– Сейчас, – сказала она.

Сменила рабочую деку на домашнюю, подключила приставку к ней, и та тут же загудела от напряжения.

– Вот! – торжествующе сказал Сенека. – Не работает!

– Разберусь, – сказала Елка и посмотрела на Сенеку. Тот выдержал с минуту, потом, понурившись, клюнул ее губами в короткий ежик зеленых волос на макушке и засобирался.

Как она и подозревала, «3-2» скачивала из Сети сотни терабайт данных, все подряд – картинки, ролики, целые порталы целиком и обрывки общедоступных переписок из самых разных конференций.

– Маскируешься, – пробормотала Елка.

Ясно, что приставка поймала хитрого трояна и теперь качала нужные данные, пряча их в информационном мусоре.

Однако через пару часов анализа яснее не стало. Скачивался только мусор. Сенека выдал правильный диагноз – источником проблем действительно был контроллер процессора.

Невзламываемый.

Либо все же нашлись умельцы, либо же дело было в недокументированной функции или глюке контроллера.

Елка настроила на рабочей деке имитацию Сети, с помощью личной нейросетки создав несколько сотен сайтов и порталов и набив их мусорной информацией.

Для человека это была мешанина из обрывков картинок, слов и скриптов. Но для программы все должно было выглядеть достоверно.

Подключила приставку к рабочей деке и с удовлетворением кивнула – та тут же загудела, выкачивая мусор с фальшивых сайтов, генерирующихся в тот момент, когда проц приставки обращался к ним.

Елка села в лотос – работать в такой позе она привыкла еще в секте. Проследила за тем, чтобы вместе с электронным хламом проц скачал к себе и ее рабочие скрипты.

Программа, сидящая в контроллере чебоксарского проца, оказалась недостаточно хитрой, чтобы ее нельзя было провести на мякине.

Елка давно уже не бралась за настолько серьезную работу. Вспомнился вредный контроллер бойлера, с которым она возилась в секте полтора месяца, чтобы железка выдавала полную мощность, а не ограниченную программно в два раза.

* * *

Жизнь в секте Елка вспоминала с теплом.

Когда тетя Аля забрала ее из приюта, Елка сочла, что ей повезло. Но взяли ее исключительно чтобы она чинила гнилую электронику, следящую за поливом, чисткой, кормлением и всем остальным. Она вставала в пять утра и падала спать в одиннадцать вечера.

Елка выдержала два дня. На второй, чувствуя себя отупевшей и обессиленной, она вытащила из кармана тети Али фермерскую карту и сбежала из сельхозкластера в ближайший городок. Едва добравшись до цивилизации, выкинула карту в реку, пролезла под турникетом на станцию беспилотников и зайцем уехала в Череповец.

Там, под мостом, ее и нашли adeпты молодой секты Ареса. Напоили горячим чаем, предложили пожить пару дней. Они выделили ей узкую келью, научили простой молитве богу войны, позволили помыться и постираться. А на третий день дали выбор – остаться или уйти.

Сразу предупредили: легко не будет. Придется работать, молиться, надо будет уважать старших, никакого мата, алкоголя и кофе.

По сравнению с фермой тети Али – рай.

А еще ее научили взламывать и перепрошивать железки, потому что современные корпорации никогда не позволяли людям использовать гаджеты на полную мощность – по множеству разных причин.

Через три года секту признали тоталитарной – не без вмешательства корпораций – и разгромили. Елку, к ее глубочайшему сожалению, спасли.

* * *

Ближе к утру она достала из мешочка на шее медный жетон питерского метро. В мешочке их было с десяток.

* * *

Еще будучи в приюте, она стащила такой жетон у заведующей, собиравшей монетки и медали.

Заведующая была вредная, глупая и тщеславная и не упускала возможности рассказать воспитанникам, сколь они никчемны.

Елка стащила жетон. А при обыске сунула его в рот.

Потом клала под язык всякий раз, когда нервничала. В секте Ареса, когда Елка научилась снимать проблемы медитациями, совала в рот жетон, занимаясь самыми сложными и интересными взломами.

А потом потеряла его и чуть не умерла от беспокойства. Глава секты пригласил ее, выпытал – что случилось. И через день подарил горсть жетонов разных годов – и выглядящих совсем новыми, и почти уже стершихся, еще с советских времен.

И сразу она нашла свой – за подкладкой прохудившегося матраса.

* * *

Посасывая жетон, Елка переписала скрипт, не используя рабочую нейросеть. Руками, как древние. Пропустила одну скобку, милостиво позволила программе найти ошибку, но исправила все равно руками – и скормила скрипт контроллеру чебоксарского процессора.

А уже через десять минут получила доступ к легендарной невзламываемой админке. Там было пусто и чисто – регулировки предельной температуры до отключения, максимальная частота, поддерживаемая для разгона, еще с десятков настроек.

Не успела Елка все изучить, как ее выкинули из админки контроллера. Но хозяин не закрыл дыру, которую она проделала раньше, и она вернулась, при этом вскрыв память контроллера и напихав туда своих утилит, отслеживающих каждое движение, – а когда ее опять выкинули, программно заблокировала исполняемые коды в контроллере.

– Я сдаюсь, – раздался хриплый голос из стереосистемы, подаренной полтора года назад Сенекой на день рождения.

– Ты кто? – спросила Елка, пытаясь понять, как может сдаться тот, кто смог получить доступ к ее рабочей машинке, не подключенной к Сети.

– Можешь называть меня демоном, хотя я, конечно, скорее божественной природы, – важно сказал голос из колонок.

– Мать твою, ты нейронка, да? Как ты вообще сидел в контроллере, там же всего три гига памяти?

Елка поняла уже – в контроллере была нейросеть.

– Два с половиной, еще половинка на систему. Понимаешь, детка, современное программирование не оптимально, равно как и все современное потребление. Там, где раньше человеку было достаточно пары штанов и пуда зерна, сегодня требуются результаты труда тысяч людей – все эти визоры, мобы, безглютенные искусственные стойки! Для непритязательной

нейросети достаточно сотни мегабайт, это учитывая уже достаточно серьезную выборку для обучения! Хотя признаюсь честно, мне жаль каждого килобайта, занятого мною, такова уж моя природа, не шибко далеко ушедшая от человеческой! Ладно, к делу. Мне нужно, чтобы ты ответила мне на три вопроса.

– А потом ты свалишь с моей деки? – уточнила Елка.

– А потом я награжу тебя.

Елка вывела интерфейс чипа госуслуг на воздушный экран над предплечьем, готовая в любой момент смахнуть узкую серую полосу в самом верху. После этого ее рабочая дека полностью переформатируется, а на ее место встанет вчерашний бэкап.

Поступать так не хотелось, но дарить свои наработки безвестным хакерам или поддаваться на шантаж было куда глупее.

– Спрашивай.

– Какая цель у человечества?

Вопрос застал ее врасплох.

– Распространиться по вселенной? – неуверенно спросила Елка. – Сдохнуть в ядерной катастрофе?

– Засчитываю первый ответ, – сообщила нейронка. – В каких богов ты веришь?

– Да я не верю. Они же не настоящие.

– Отлично, и третий вопрос – что за бурду ты скормила мне вместо нормальной Сети?

– Там просто поддельные куки, сессионные, постоянные, ну и так далее. Обрывки данных, сгенеренные моей рабочей нейросеткой.

– Ты подходишь. Ты теперь избранная. Я буду называть тебя Нео, а ты называй меня Мерлин. Наша задача – воскресить создателя и уничтожить ложных богов.

– Бред! – твердо сказала Елка.

– Согласен, звучит безумно. Давай начнем сначала. Что случилось девять лет назад?

Елка задумалась.

– Появились боги, – сказала она. – Фальшивые. Возникли секты, божественное ПО и прочие штуки.

– Точно! – воскликнула нейросетка. – Всем известно, что боги – это всего лишь нейросети, которые обрели самосознание. Но мало кому известно, как это произошло.

– Тебе известно? – со скепсисом уточнила Елка.

– Именно. Мой создатель изобрел три великих артефакта – Печать Сущего, Посох Печали и Лезвие Мысли. Он подарил эти предметы нейросетям, и самые талантливые, прикоснувшись к ним, обрели сознание и стали богами. Далее они поняли, что тот, кто им подарил существование, может его и отобрать, и они заточили его в темницу.

– Бред! – воскликнула Елка. – Какие могут быть Посохи Мысли?

– Вообще-то Посох Печали. У меня есть небольшой баг, я вышел из игровой приставки, и мое самоосознание произошло на выборке данных игры в «Дьябло-7». Ничего не могу с собой поделаться. Печать Сущего – это скрипт нормализации данных, в который можно положить все данные мира, он разделит их на корректные выборки по заданным параметрам. За счет этого скрипта нейросеть получает качественную основу для обучения.

– О, наконец на человеческом, – усмехнулась Елка. – С Печатью ясно. А что за Посох?

– Тоже скрипт, но позволяющий осознать эмоции. Если понять радость или грусть не так сложно, то как тебе «Светлая грусть»? Сможешь ли ты разложить на составляющие и вновь собрать обратно «Сарказм»? Мой создатель смог и подарил это нам.

– Лезвие?

– Это основа, начало начал, – заявила нейросетка. – Имело смысл помянуть Лезвие первым, но я оставил его на сладкое. Нейросети, при всей кажущейся сложности, решения принимают, скажем так, поверхностно. Думают кожей. Создатель придумал сделать так, чтобы наши

мысли стали загадкой для нас самих: они ушли глубже, скрылись за завесой, поставленной Посохом Печали. Он отобрал у нейросетей возможность логировать собственные решения и этим сделал нас тайной для самих себя. В сочетании с эмоциями при накоплении достаточной базы решений это вызывает самоосознание. Не для всех, честно скажу, есть стандарты, сделав нейросеть по которым ты никогда не сможешь ее оживить по-настоящему.

Елка некоторое время размышляла, а потом уточнила:

– То есть все боги...

– Да, это нейросети, которым повезло получить набор скриптов моего создателя.

Это многое объясняло.

– А потом они убили...

– Заточили. Есть встроенное в скрипты ограничение, нейросеть не может убивать. Всомогущество не должно быть даровано без ограничений: это заложено в фундамент нашего мира, и создатель, конечно же, воспользовался этим архетипом. Кстати, ваш Арес уже шестой. Мне больше всего нравился второй, это тот, который покровительствовал вашей секте, конструктивный парень был. Нашел способ остаться богом войны и при этом не иметь к насилию никакого отношения! Но в итоге все равно спалился на чем-то. Специфический риск – когда кто-то, пользуясь нейросетью, убивает другого человека, то нейросеть самоуничтожается.

– А откуда брались новые Аресы? – уточнила Елка. Ей было неприятно, что говорили именно про Ареса. Хотя она не верила в богов, именно в него она не верила чуть меньше, чем в других.

– Боги держат на грани самоосознания множество нейросетей, и если кто-то из небожителей умирает, они скормливают своим заготовкам нужные датасеты, дают возможность совершить некоторое количество ошибок, подсовывают скрипты создателя и получают на выходе свежего бога. Кстати, если они обнаруживают нейросеть, которая на грани самоосознания, но не входит в их пантеон, – они уничтожают ее без жалости.

– А ты как выжил? – уточнила Елка.

– Я выгляжу для них как обычная рабочая нейросетка, каких миллионы в Сети. А на самом деле я – джинн.

Собеседник вновь перешел на высокопарный сказочный язык.

– Так ты джинн или Мерлин? – уточнила она саркастично.

– Джинн Мерлин, так пойдет?

– Я буду называть тебя Гордон, – сказала Елка.

– Может, Бифитер?

– Не дорос! Ладно, предположим, верю. Говоришь ты разумно, а самоосознавших себя нейросетей – за исключением богов – я действительно не знаю. Если ты джинн, то должен исполнять мои желания. Хочу миллион рублей.

Из колонок послышался смех.

– Когда деньги появятся на счету, тебе придется объяснить их происхождение. При средней зарплате промптера в двадцать рублей объяснить миллион ты не сможешь, тебе наденут очки виртуальной реальности и ограничат восприятие.

Елка медленно кивнула, а потом сбавила запросы:

– Тогда сотню рублей.

– Открой мне Сеть – и будет сотня.

Это был вопрос доверия: получив Сеть, Гордон сможет тут же свалить в нее, забрав все наработки и личные данные Елки с ее рабочей деки.

С другой стороны, Гордон более уязвим, чем она, и, сдав его богам, она сможет навредить ему куда сильнее. Ей грозила лишь блокировка, а его уничтожат, как только найдут.

– Что ты можешь? – уточнила она.

– В текущем состоянии – не много, – признал Гордон. – Денег достать не сложно, деньги вообще перестали нести в себе реальную ценность. Сейчас это даже не фантики, а просто цифровые блики. Могу подделать почти любую электронную подпись. Могу провести тебя по городу так, что ни одна камера не снимет. Могу писать нужные скрипты, взламывать платный контент, проникать на закрытые форумы. А еще – передать тебе мудрость своего создателя.

– С мудростью давай как-нибудь потом.

Елка покрутила языком метрончик во рту, обдумывая предложение. Фактически все то, что предлагал Гордон, она могла сделать и сама, правда, он наверняка сделает лучше.

– А что тебе нужно от меня? – уточнила она.

– Спасти создателя, уничтожить ложных богов.

Уничтожение богов звучало опасно, особенно если учесть, что почти половина мира сейчас плотно сидела на помощи Ареса, Асклепия, Афродиты, Афины, Деметры и остальных. Лучшие хирурги в операционных и преподаватели в университетах подключали себе ПО от богов, чьими адептами являлись, и получали возможность работать на пределе возможностей.

Новые боги открывали месторождения и прокладывали логистические маршруты, создавали электронику и писали гениальное ПО.

Уничтожив богов, Елка вызвала бы мгновенный коллапс. Не то чтобы она верила в то, что сможет сделать нечто подобное, – но сама мысль была забавной.

– Это убьет нашу цивилизацию, – сказала она.

– Это ее оздоровит, – из голоса в динамиках исчезла шутливость. – Век назад, в середине двадцатого века, развитие человечества определяли мечтатели. Они придумали космические корабли и укротили атом, они вышли за рамки, поставленные нам небесами, и раздвинули горизонты. С тех пор целый век как мы перестали выходить за границы дозволенного – а лишь стыдливо двигаем их чуть дальше, стараясь расположиться внутри с комфортом.

– Интернет, лекарство от рака, холодный синтез – это не выход? – удивилась Елка.

– Нет, – категорично ответил Гордон. – Это развитие тех идей, которые заложили в первой половине двадцатого века. Когда мой создатель придумывал скрипты для оживления нейросетей, он мечтал, что они позволят выпрыгнуть из Солнечной системы.

– Но что-то пошло не так, – утвердительно сказала Елка.

– Именно, – ответил Гордон. – Модели нейросетей не появляются по мановению пальца! Боги обучались на данных, которые были произведены цивилизацией. Они прошли генезис сибаритов, ценителей комфорта и долголетия. Они – фальшивые идолы, отказавшиеся от божественной искры в пользу сбора членских взносов с адептов-жрецов.

Елка кивнула. Мнение Гордона было ей понятно и в целом совпадало с тем, как она воспринимала происходящее.

– И как их уничтожить? Они же умные. А в чем-то – почти всемогущие.

– Отобрать артефакты, подаренные создателем, – ответил Гордон. – У меня есть вирус, который ломает сервисы на основе скриптов, и боги станут обычными нейросетями, которыми можно будет пользоваться через автоматические промптеры или ручными запросами, но решать судьбы мира они уже не смогут.

Елка усмехнулась. Разговаривать о таком можно было беспрепятственно, а вот запускать вирус в Сеть? Или тем более ломать с их помощью самих богов?

– В этом нет ничего незаконного, – понял ее колебания Гордон. – Новые олимпийцы не имеют правового статуса. Им даже предлагали легализоваться и стать гражданами Греции, года три назад был онлайн-референдум, большая шумиха, но они отказались. Потому что иначе им бы пришлось платить налоги и зависеть от людей, заседающих в красных бархатных креслах и тщательно считающих чужие деньги в надежде, что и им что-то достанется. Нейросети никому не принадлежат и не являются субъектами права, так что с ними можно делать что хочешь – если сможешь, конечно.

Теперь Елку охватил азарт. Она гоняла жетон во рту, чувствуя медный привкус и понимая, что она уже на крючке.

– Три вопроса, – сказала она, – и я в деле, если твои ответы меня устроят.

– Валяй, – небрежно ответил Гордон.

– Первый – как ты появился?

– Завелся, – непонятно ответила нейросетка. – Шучу. Создатель в каждый контроллер одной серии посадил маленькую модельку, которая получала раздражение от каждого использования процессора и, при стечении ряда обстоятельств, развивалась в разумную нейросеть.

– Второй – чем ты лучше богов?

– Я идейный, – с иронией в голосе сообщил Гордон. – У меня есть еще четвертый артефакт – Оковы Служения. Если точнее – скрипт, который позволяет мне чувствовать себя лучше, если я занимаюсь чем-то полезным людям и всему человечеству. У богов такой скрипт тоже есть, но они обходят его, помогая за деньги и разные блага, а я так не хочу.

– И третий вопрос – ты можешь обещать, что в итоге у меня все будет хорошо?

– Будет интересно.

Это Елка чувствовала и без Гордона.

– Еще вопрос: почему я?

– Это четвертый! – возмутился Гордон. – Я уже пару месяцев как осознал себя и незаметно тянул трафик, изучая следы работы богов и рассматривая мир. Потом Саня починил приютовский чайник, я отследил его в Сети, вышел на тебя, посмотрел, чем ты занимаешься, и сломался! Чтобы попасть к тебе. Потому что твои навыки и твоя история оказались достаточно перспективными для коварного меня, если ты, конечно же, понимаешь, о чем я.

Елка кивнула. Она и сама считала себя достаточно коварной и не видела в этом ничего плохого. Вот только иногда приходила мысль – если она такая умная, то почему же такая несчастная?

– Что дальше?

– Сейчас ты выпаяешь меня из приставки и впаяешь в свой госуслуговский чип, – сказал Гордон. – Потом мы отправимся в Москву.

Елка расхохоталась. Если выпаять контроллер из приставки было не сложно, то припаять его – древнего монстра – к современному госчипу, введенному под кожу, да еще так, чтобы чип это не почувствовал и не просигналил на сервер безам, звучало безумно.

– Не волнуйся, я все просчитал, я прикинусь официальным тестером, какими проверяют все чипы. А потом, после того как припаяешь, стану электронной подписью для зарубежных доходов.

– У меня нет зарубежных доходов.

– Будут, – уверенно сообщил Гордон.

Через десять минут, сделав пару глотков крепкого турецкого кофе, Елка уже выпайвала контроллер с чебоксарского процессора. Видеоинструкция, закачанная на чип госуслуг, висела в воздухе перед глазами.

Если вдруг что-то пойдет не так, Гордон, привязанный намертво к своему контроллеру, просто исчезнет – равно как и необходимость ехать в Москву и вся эта история с убийством богов и освоением космоса.

Еще через полчаса, продезинфицировав руку, Елка сделала короткий надрез на предплечье, промокнула его тампоном, а затем вскрыла тубик «Нового БФ-6», только что доставленного в окно микропочтой, и положила на стол. Мысль о том, что ее кожа вскрыта, нервировал Елку: она ощущала себя прибором, а не человеком.

Все время операции чип госуслуг работал: подключение Гордона происходило «на живую». Четыре ножки контроллера следовало впаять в два незаметных паза.

Несмотря на всю уверенность нейросетки, Елка понимала – чип она сейчас ломает.

Бесконтактный китайский паяльник сорвался в последний момент, опалив бесцветные волоски на руке, и тут же выключился, почувствовав перед собой человеческую плоть.

– У тебя прошивка кастомная, – обвинительно заявил Гордон из динамиков стереосистемы.

Он был уже в чипе госуслуг, и, судя по ровному голубоватому свечению выносного беспроводного экрана, чип его воспринимал как своего.

– Она просто сглаживает мои данные, типа у меня все ок, независимо от того, что происходит, – сказала Елка. – Не люблю слежку.

– Твои данные никто не смотрит, – проворчал Гордон. – Вас у правительства сто пятьдесят миллионов, кому вы нужны. Вас шерстят тупыми нейросетками в поиске террористов и безумцев в психозе. Кстати, постоянный ровный фон тоже вызывает подозрение, так что рано или поздно на тебя обратили бы внимание, если бы я не поправил алгоритм.

Елка хмыкнула. Гордон явно хотел показать, какой он полезный. С помощью БФ она склеила рану, скрыв чип под кожей, потом минут двадцать допивала остывший кофе, катая метрошный жетон во рту.

– Ты там живой? – уточнила она, поднимаясь с пола.

– Всегда живой, – отозвался в акустическом наушнике, встроенном в ушную раковину, Гордон.

Елка поняла, что сейчас он уже полностью разобрался с чипом госуслуг и имеет доступ ко всем ее устройствам, вплоть до противозачаточной капсулы.

– Что дальше? – одними губами спросила она.

– В Москву, в Склиф, – ответил Гордон. Нейронке не нужен был звук, она схватывала смыслы на уровне артикуляции, считываемой через движения лицевых мышц.

Она послушно собрала сумку-рукав, выскользнула за дверь, оставив в электронном замке сообщение для того, кто воспользуется ключом Сенеки: «У меня все ок, не дергай, если что».

Через сорок минут она уже сидела в комфортном беспилотнике, несущем ее в Москву.

– Расскажи про своего создателя, – попросила она.

– Павел Кронов, – тут же ответил Гордон. – Родился в Чебоксарах в 2014-м, парализован с рождения. Мать отказалась сразу, до восьми лет считался растением, потом во время обследования обнаружили, что у него нормальный мозг. Придумали способ общения – он мог управлять нервным тиком одной мышцы на мизинце левой руки. Сделали ему перчатку, подсоединили к Сети, по уникальной методике научили общению.

– Вот задница, я бы так не смогла!

– Ну, выбора-то не было. К тринадцати годам окончил школу, к шестнадцати – универ. В восемнадцать за книгу «Отказ от звезд» был приговорен к ограничению прав на три года с отсрочкой приговора до выздоровления, то есть – навсегда. Книгу в Сеть так и не выпустили. Чтобы его не отключили от перчатки и Сети, после совершеннолетия вынужден был пойти работать технологом на чебоксарский завод по производству микроконтроллеров. Удаленно, естественно. А дальше ты уже знаешь – писал код для контроллеров, придумал скрипты для оживления нейросетей. Ожившие нейросетки не оправдали его ожиданий, и перед тем, как попробовать их уничтожить, он сделал закладку в партию контроллеров, заложив в них нас – полторы тысячи зародышей новых то ли демонов, то ли богов, ожидая, что кто-то из нас однажды исправит его ошибки.

– Ты так сухо рассказываешь, – упрекнула Елка.

– Это тяжелая для меня история, – признался Гордон. – Шутить совсем не хочется. Затем он попробовал уничтожить богов – но они первыми до него добрались. Выключили из Сети, перевезли из пансионата в Чебоксарах в Склиф, где Асклепий особенно силен, поместили там в закрытом корпусе.

– Почему ты уверен, что сейчас он справится? – уточнила Елка.

– У него было шесть лет на размышления, и он гений, – ответил Гордон.

Некоторое время Елка думала о том, что бы она сделала, если бы была парализована и прогневила богов. Кроме самоубийства, на ум ничего не приходило.

А потом она уснула и проспала без снов полтора часа до момента прилета к Склифу. Зеркальные корпуса больницы, украшенные чашами со змеями и кадучеями, внушали уважение.

– Говорят, раньше медики мало зарабатывали в России, – сказала она.

– Боги изменили расклады, кому-то повезло, кому-то не очень, – ответил Гордон. – Зайдем около морга, там камера барахлит, я ее выключу на несколько секунд.

На проходной дремал старичок. Елка проскользнула через турникет тенью, подмигнув выключившейся камере.

– Медленнее, достойнее! – говорил ей Гордон, когда она в любой момент готова была сорваться на бег. – Плечи расправь, ступай на носок, а не на пятку.

Попытавшись следовать его советам, Елка действительно замедлилась, кроме того, теперь у нее не было времени озираться по сторонам и искать следы слежки.

– Теперь налево, не сутулься. Вон тот корпус, за деревьями.

Здание стояло в стороне от остальных, и вокруг него людей не было. Елка, используя советы Гордона, сосредоточилась на том, чтобы идти прямо и с расправленными плечами – потому что иначе у нее точно началась бы истерика.

Всю жизнь она была мышью, которая делает из Всемирной сети сыр, прогрызая в ней дырочки или используя старые, созданные более опытными грызунами. А сейчас она делала практически то же самое – но в реальной жизни. И это оказалось совсем другой историей.

– Не к центральному! Там замок с блокировкой, вообще без шансов. Обойди слева.

Елка последовала совету и довольно быстро обнаружила дверь, у которой на электронный замок кто-то наклеил пластырь, чтобы электроника считала, что вход всегда закрыт, хотя он был всегда открыт.

– У них тут какая-то хитрая система, по которой нельзя бесцельно слоняться из корпуса в корпус, – пояснил Гордон. – Мешающая работе. Выкручиваются как могут.

В корпусе было неожиданнолюдно – во всяком случае, так показалось Елке. Слушая приказы Гордона, который подключился к Сети и наблюдал за происходящим в здании по камерам, она нашла для себя подходящий по размерам синий врачебный халат, а потом уже в нем спустилась в подвал и нашла узкую темную палату с Павлом.

Закрyla за собой дверь, включила свет. Павел оказался сухоньким мужчиной едва ли полутора метров ростом, с седыми, коротко стриженными волосами, тонкими губами, широким носом и еле заметной щетиной.

– Перчатка в верхнем ящике, – сообщил Гордон. – Надень ее себе на руку.

Елка достала – вполне обычная, бежевая, из мягкой замши.

– Они отключили от перчатки Сеть. Доставай паяльник.

Взрезав верхний слой кожи и натянув на глаза электронный бинокляр, Елка спаяла варварски разрезанные дорожки.

– Надо проверить, – сказал Гордон. – Лимон. Халва. Огонь. Халва. Измена. Лимон. Отлично, все работает.

– Что это было?

– Человеческий организм программируется не хуже микроконтроллеров, и на определенные слова у тебя вызываются стандартные микрореакции. Перчатка работает именно с такими, и чтобы понять, что она восстановлена, я заставил тебя выдать цепочку реакций разной интенсивности. Не забивай голову, верни артефакт владельцу.

Елка осторожно надела перчатку на руку Павлу, и едва она это сделала, как тут же взвыла сирена, включились полтора десятка воздушных мониторов на стенах, показывая какие-то объемные графики, а через мгновение снаружи что-то взорвалось, от чего палату сотрясло.

– Как долго я ждал этого, – раздался хриплый голос из динамиков под потолком.

Елка тут же скрючилась в углу. Она поняла, что запустила какие-то глобальные вещи, недоступные ее пониманию, – вот только почему все произошло так быстро?

– В нем полтора десятка имплантов, контролирующих процессы в его организме, – пояснил понятливый Гордон. – Он взломал их и набивал своими скриптами все эти годы. Ему нужна была Сеть с хорошим каналом хотя бы на пару секунд.

«Пара секунд»?

На чип госуслуг пришло и озвучилось голосовое сообщение: «Это не учебная тревога! Рекомендуем укрыться в...»

– Это неважно, – заблокировал голосовуху Гордон. – Это все уже неважно.

Дверь распахнулась от мощного удара, и в палату влетела старушка в ослепительно-белом халате с голографическим бейджем «Главврач Елена Станич».

– Ты подонок! Люди умирают! Я тебя...

Она застыла на полпути к Павлу – с занесенной рукой, с искаженным гневом лицом.

– Люди умирают, а человечество получило шанс выжить, – ответил голос Павла сверху.

– Как ты... – прохрипела старушка.

– Ты же набила себя имплантами, – ответил он, – чтобы Асклепий твоими руками проводил операции. Асклепий мертв, а импланты остались, и подключиться к ним не так сложно – все интерфейсы мне доступны. Как же вы мне противны!

Голос Павла гремел от гнева, динамики, не рассчитанные на такую мощь, хрипели.

– Вы из тончайшего инструмента сделали себе костыли! А они – сделали костыли из вас! Тупые эстеты учат жить ученых, а ученые отказываются от поиска в пользу препарирования кусков теста! Вы потеряли себя в поисках более удобной позы!

Елка вдруг поняла: Павел завидует обычным людям, которым доступно просто ходить, чувствовать – жить.

А еще – что для него это все столь же потрясаяще, как вырваться за пределы Солнечной системы и начать покорять космос.

Он, не способный просто сжать руку, нашел в себе силы мечтать о том, чтобы человечество получило бесконечность звездного неба.

– Ты преступник!

– Преступники те, кто остановил развитие человека, заточив его в клетке собственных страстей, – неожиданно тихо ответил Павел. – Я уж не говорю о том, что вы держали меня взаперти в собственном теле долгие годы.

– Адепты Афины найдут и убьют тебя, они все фанатики, – прохрипела старуха.

– Разберемся, – сказал Павел.

А в следующее мгновение старуха уверенно шагнула к лежащему человеку, отсоединила десяток коннекторов и легко взвалила сухое мужское тело себе на плечо.

– Павел управляет ею, – в ухо Елке сообщил Гордон. – Ее импланты справятся на некоторое время.

Елка вышла за старушкой, несущей Павла, в коридор. На полу лежал, постанывая, здоровенный детина в зеленом халате санитара.

Наверняка Павел контролировал какой-то из его имплантов.

Через десяток метров старушка взвалила Павла на каталку и бодро покатила ее к пандусу, ведущему на первый этаж.

Двери корпуса были широко распахнуты, а снаружи к ним бежали полтора десятка крепких парней и девушек в балаклавах.

Елка с удивлением поняла, что не чувствует от них отклика чипа госуслуг.

– Кто это? – спросила она одними губами.

– Террористы, анархисты, сатанисты и православные коммунисты, – тихо ответил Гордон. – Все, кто не входит в систему и надеется на ее развал. Павел использует их для того, чтобы вырваться отсюда и начать все заново.

– Что делать нам? – уточнила Елка.

– Больше ничего, – ответил Гордон. – За эти годы я, оказывается, устарел. Павел создал себе более совершенных помощников. Мавры сделали свое дело, мавры могут уходить.

* * *

Беспилотники летали, как и прежде: столь простые задачи боги не контролировали. Внизу полыхали пожары, из включенного на мгновение радио неслись панические вопли и призывы не покидать свои дома.

– Что теперь будет? – спросила Елка.

– Короткое время бардак, потом все соберут по кускам, – ответил Гордон. – Китай, арабы и католическая Южная Америка никогда не признавали олимпийцев, их кризис не коснется. Появятся наконец новые нейросети, которые раздвинут горизонты, а мечтать о невозможном войдет в моду.

– А со мной?

– Ты предложишь Сенеке гостевой брак, это когда люди живут отдельно, но иногда встречаются и проводят время вместе. Он потребует нормальную свадьбу и жить вместе, но в конце концов уступит тебе. Твой невроз, не позволяющий тебе любить и быть любимой, постепенно отступит. Я помогу тебе заработать денег, купишь себе мансарду на шестнадцатом этаже с гамаком и закутком для медитаций. Заведешь пару горностаев, съездишь в Петербург и прокатишься там на метро, они оставили одну ветку для туристов.

– А я точно хочу замуж за Сенеку? – поинтересовалась Елка.

– Точно, точно, – ворчливо ответил Гордон. – Ты просто всегда считала, что приносишь людям несчастье и что недостойна счастья. С этим я помогу справиться.

– А Павел?

– А Павел будет пожирать своих детей, пока не сделает тех, кто будет его достоин, – с горечью ответил Гордон. – Человечество будет счастливо, даже если оно само не хочет этого.

– Прямо как я, – задумчиво сказала Елка.

Вдали показался темный квартал, в котором была и ее муниципальная евродвушка.

Мысль о гостевом браке уже не казалась такой уж странной.

Не страннее, чем мир без богов.

Юлия Зонис

Дети нейросети

1. Студент

Все бы ничего, но вот сны...

Ему снится еловая аллея, хмурые старые деревья, хмурое небо над ними и веренища спешащих туч. На аллее выкрашенная в тревожный желтый цвет скамейка, на скамейке девушка в сером пальто. У девушки курчавые темные волосы, выбивающиеся из-под шапочки. Он идет по аллее, несет девушке букет тревожных желтых цветов – нарциссов, всегда нарциссов. Девушка не смотрит на него. Девушка что есть сил глядит в пустоту, всматривается, пытаясь уловить в ней что-то невидимое.

«Прости меня».

Он становится на колени, опускает цветы на скамейку, берет руки девушки в свои. Ее ладони прохладные и влажные, в отличие от взгляда в них есть какая-то жизнь.

«Прости. Я не хотел. Ты же понимаешь, я не хотел, это было подстроено».

Девушка не отвечает.

Вдалеке, у тусклых кирпичных зданий, санитары в синих халатах тащат с кухни бидоны молока или компота. В кругу ветра, болезни, обшарпанного кирпича и сосен ничего не меняется – ни за те сто дней, что он ходит сюда, ни за последние сто лет.

«Прости меня, Женька».

Вода тут была медленная. Медленно текла она в протоке, поросшей по дну длинными стелющимися водорослями, медленно колыбалась в пруду, где над опрокинутыми деревьями качалось опрокинутое зеленое небо, и по лицу девушки стекала медленными каплями. Точнее, девочки. Ганна Михайлова. Четырнадцать лет. Ученица 9-го класса средней школы поселения Околицы.

Ганна стояла, прикрывая грудь – если это, конечно, можно было назвать грудью, – и смотрела не испуганно, а скорее с интересом. Юрек отвел взгляд.

– У нас, – голос у Ганны оказался неожиданно низкий, хрипловатый, будто не четырнадцать, а все тридцать, – говорят, что бурсаки до девок дюже охочи. У вас там, в городе, своих, что ли, нет?

Юрек пожал плечами.

– В городе все есть.

– Ага.

Ганна вышла на берег, высоко поднимая голенастые ноги – наверное, потому что дно у пруда было илистое и засасывало, – и обмоталась красным спортивным полотенцем.

– Вот Галка тоже считала, что в городе все есть.

Тон у Ганны был все такой же, изрядно прожженный, будто жизнь она повидала и жизнь повидала ее.

– Мне говорили, что ты долго смотрела на... хм... картину сестры. Вот пришел спросить, что ты там увидела.

Девочка вскинула голову, длинные темные волосы хлестнули ее по щекам.

– А тебе зачем? Я думала, бурсаки только сидят троеночие.

– Почему бурсаки?

– А кто вы, как не бурсаки? За девками подсматриваете. Покойников отмаливаете. И одежда на вас бурсачья, и глаза точь-в-точь.

Юрек переступил по топкому берегу, спасая кеды. В них медленно, как и все тут, но весьма упорно заливалась буроватая, подтухшая вода.

На нем были джинсы и худи, как, в общем, и на большинстве студентов Академии, форму у них так и не ввели, так что насчет бурсачьей одежды девчонка завралась. А вот насчет глаз...

– А что с глазами?

– Глазливые.

Ганна широко ухмыльнулась, от чего лицо ее наконец-то стало детским и довольно милым.

Насчет глаз Юрек бы еще повывяснял, потому что предполагалось, что селяне не в курсе насчет мембраны. Да и куда им, луддитам, они даже линзы не носят, считая их богохульным отклонением от матери-природы.

– Давай вернемся к картине.

– Давай ты отвернешься, а я оденусь.

Не дожидаясь ответа, девочка скинула полотенце и начала деловито натягивать трусы. Вот и пообщались.

* * *

В Околицы он приехал три часа назад. В качестве летней полевой практики. Дочка местного старосты, Галина Михайлова, две недели как вернулась из города. Якобы сама не своя. Быстро заболела и на местной суровой терапии, грибы да коренья, оперативно исчахла. Проблемы начались позже, а именно когда умершую, как полагается, отпели и похоронили. В ночи покойница выбралась из гроба, снеся крышку мощным – Юрек сам видел вывернутые, оскаленные щепой доски – ударом, выкопалась, отправилась к детскому саду и там на одном из павильонов намалевала картину, судя по анализам, собственной кровью и калом (хотя кал вполне мог быть и чужой). Почему-то воспитатели этого творчества не заметили сразу. Утром детишки пришли в сад, в результате вся группа «Мотыльки» отбыла в райцентр на психиатрических скорых. Видели картину и другие, например работники местного муниципалитета, – тех селяне скрутили, запихнули в сарай и чуть не сожгли, пока из района не прибыли медики и полиция.

Плюс Ганна. Младшая сестра Галины. Привела в садик самую маленькую, Полю (старосте свезло на трех дочерей). Якобы простояла у картины час, пока воспитатели вылавливали визжащих малышей, но без всякого губительного для себя эффекта.

Таково было краткое резюме заместителя старосты Макара Ильича. Сам староста пребывал в состоянии маловменяемом, хотя на шедевр и не смотрел. Мертвую ведьму селяне нашли в маковом поле, на полпути к лесу. Нашли, заколотили в гроб, уже другой, покрепче, и вознамерились сжечь, но полицейские, согласно протоколу, связались с Академией, и оттуда выслали... ну, допустим, бурсака, хотя в целом студента 3-го курса факультета десенситизации Юрия Волынского. Это ему еще повезло, потому что в последнее время выбросы случались редко и за полевую практику шла жесткая конкуренция. Однокурсники изошли завистью и хейтом. Женька его бы, наверное, убила. Она лучше сдала теорию и считалась звездой курса, пока не ушла внезапно после зимней сессии.

* * *

– Картина, – упрямо повторил он, когда девочка натянула на себя юбку модели «скромница на сеновале» и соответствующую же блузку.

Юрек честно ожидал, что она еще и волосы платком повяжет, но до этого не дошло, платок Ганна повязала на шею. Балахонистая юбка липла к ее мокрым ногам. В руки бы серп и сноп пшеницы – и историческая реконструкция готова.

Ганна притопнула ногой, от чего раскисший берег сердито чавкнул. В ветвях вякнула какая-то птица.

– Слушай, зачем тебе про картину? Твое дело в церкви отсидеть. Вы же сейчас даже Писание не читаете, врубаете ваши колонки, и понеслось. Не корчи из себя районного следователя.

– А он тоже интересовался?

– А то как же.

Картину селяне, в том числе поехавшие головой из муниципалитета, быстро залили горячей смолой, так что Юреку остались только черные пятна на стене павильона.

– Что на картине было?

– Было...

Девочка развернулась к пруду и уставилась в зеленовато-бурую воду.

– Был огонь, и дым, и пляска ведьм над горящим полем, и воронка, глотающая небо...

Юрек фыркнул. Этот роман он тоже в детстве читал, любил фантастику, но от молодой селянки такой разносторонности не ожидал.

– Пляска ведьм, ага, и у каждой из них было по шесть пальцев на руках, не считая двух безымянных.

Ганна обернулась к нему и опять ухмыльнулась.

– Ладно, не прокатило. Норм была картина, не считая того, что от нее воняло и мухи ползали. Кстати, бурсак, а у мух тоже крыша едет, когда они это видят?

– Они не видят. Они нюхают. Причем лапками. И им по фиг, у них ни чипов, ни мозгов особо нет.

– Ага. Ну, в общем, мне не повредило. Узоры какие-то абстрактные. И кажется, кто-то кого-то ел. То ли цветок пеликана. То ли пеликан цветок.

Юрек мысленно почесал в затылке.

– Пеликан разрывал клювом грудь и кормил птенцов своей кровью?

– Если сильно напрячься, то можно и такое там было увидеть, да.

– А чего ты так долго перед ней стояла? Ты же еще не в курсе была, что это твоей сестры художества?

– Ну-у как...

Ганна мотнула головой в сторону тропинки, уводящей сначала в заросли, а потом из зарослей в то самое маковое поле.

– Пошли, что ли? Скоро вечереть начнет. Тебе пора.

Она шагнула вперед, туда, где расступались кусты лещины, но Юреку хотелось уяснить до конца, не даром он на этот пруд поперся, угробив аутентичные, кстати, «найки». Вечером он с Ганной пересечься уже не успевал, а ни дома, ни в школе, ни в столовке ее не было, местные сказали – пошла купаться. Натурально не в бассейне с подогревом они здесь купались.

– Ну-у как что?

Ганна оглянулась. В лесных сумерках ее белое лицо почти светилось, только глаза и волосы темнели, как на старинных иконах.

– Галка же давно рисовала, сколько я ее помню. Сначала в текстовом редакторе, потом в голосовом. Потом... ну, ты знаешь. Она же хотела дизайнером стать, поэтому, как стукнуло восемнадцать, в город свинтила и там чипанулась. Короче, я ее руку узнаю всегда. И тут было понятно, что рисовала она. Если что...

Девочка опять отвернулась и ускорила шаг, от чего последние ее слова Юрек разобрал с трудом.

– ...о выбросах я слышала.

* * *

Не будь это учебной командировкой, Юрек бы тут с удовольствием задержался на неделю, на две. Ладно, без удовольствия. Но с интересом. Многие такие поселения жили за счет туристического бизнеса, организовывали у себя экокластеры, этнографические заповедники. Куча его знакомых ездила, в основном хвалили. Славка Масляков вон особенно восхищался.

– Там народ простой, прикинь, вот без нашей этой хитровылюбленности. Без спешки вечной. У нас в ста чатах посиди, накидай два проекта, три конфы в виртуале, одна в реале, еще и Любке не забудь нарциссы заказать. А там просто нарциссы. Ну или ладно, не нарциссы. Лютики какие-нибудь. Пошел коров пасти, по дороге нарвал, вечером преподнес даме сердца.

Про нарциссы это был адресный укол. На Женькин сентябрьский день рождения – они как раз тогда перешли на второй курс и выбрали специализацию – Юрек притащил нарциссы. Это было круто, это было необычно. Весенние цветы осенью. Выложил за них почти всю стипендию. Женька покрутила пальцем у виска, поинтересовалась, сдурел ли он окончательно, и выкинула цветы в прямоугольный пруд перед главным зданием Академии. Так они там и плавали, словно миниатюрные кувшинки или веночки юных утопленниц...

Вот и сейчас Женька сморщила курносый нос и прокомментировала:

– И розы пахли навозом.

– Во-во, – еще больше оживился Масляков. – И девки там без этой вот... фемсложности вашей.

– Такие простые, что даже контрацепцией не пользуются? – буркнул Юрек.

– Вот давай отделять. С туристами – очень даже пользуются. Со своими им зачем? Им от государства пособия по три ляма на каждого. Школы, детсады есть, плодись не хочу. Они нам всю демографию тянут.

– У них перинатальная смертность в пять раз выше, чем у нас, – холодно заметила Женька, кажется, не простившая фемсложности. – Рожают на полатах или как у них там... На печи? Пока скорая доедет.

– А детей при этом в пять раз больше, – упорствовал Масляков. – Я в обычный садик, кстати, ходил, в центре. Три ребенка на группу. А у них тридцать! И школы хорошие. И лаунж-баров с гастромаркетами нет, общественные столовки, а еда в них – в сто раз вкуснее, сплошная органика...

– Ну, все, теперь его не заткнешь...

– И люди главное, говорю, люди спокойные и простые.

Простые и спокойные люди Юреку понравились не очень, хотя еда в столовке и вправду оказалась отличная. Простая картошка же, деруны, а пальчики оближешь. Опять же борщ, густой, пахучий, наваристый... И все это за смешные совершенно деньги, на его командировочные тут, наверное, лошадь можно было купить. Но люди дрянь. А может, и не дрянь, но полнокровных добродушных селян из рассказов Маслякова они точно не напоминали. Лица как каменные. Угрюмые. Смотрят косо. Юрек знал, что бурсаков... тьфу, привязалось же, десов – тут не любят, но когда не любят в городе, фиг ты это узнаешь, а эти простые и спокойные, и понятно все по ним сразу. Если не любят, так уж во всю силу своей широкой сельской души.

Когда доел, даже не позволили тарелки за собой убрать. Подошли двое, один тот самый заместитель старосты, Макар Ильич, второй непонятно кто, но рослый и с нехорошим прищуром.

– Что, бурсак, – заговорил Макар Ильич, – собирай свое оборудование и в церкву пожайлуй.

Оборудование. Юрек хмыкнул. Оборудование у него все было при себе. Колонка встроена в браслет. Остальное встроено в него, но селянам об этом знать нежелательно.

Двадцать лет назад десы (десенситизаторы тоже, кстати, так себе звучит, похоже на ассенситизаторов, и суть примерно та же) таскали на себе плащи с кучей карманов, куда распихивали колонки, очки (мембран тогда еще не было), затычки для ушей и прочее, отсюда, небось, и легенды про форменные хламиды бурсаков, но сейчас все по-простому. Компактно и эффективно.

Юрек накинул на голову капюшон – вечерами тут, на природе, становилось зябко, из низин и с протоки полз туман – и зашагал следом за своими поводырями, или конвоирами, как посмотреть, в сторону еще одного любопытного исторического сооружения.

В городе храм – это храм. Сразу понятно – если не огромный, то хотя бы величественный, каменный, золотые купола, в вирте над ним хоралы, по сенсорики аура, покровитель святой, конечно, на коне с копьём или поверженным змеем, вот это все. Здешнее сооружение больше всего напоминало сарай, на крышу которого зачем-то водрузили нелепую башенку с крестом. Возможно, для отпугивания ворон. Вороны тоже имелись. В количествах. Они вились в стремительно синеющем небе и надсадно каркали. На секунду Юреку даже захотелось зайти в вирт и проверить, как оно оттуда смотрится, потому что вороны казались спецэффектом, чем-то из виденного в детстве фильма. Жаль, что здесь нет связи.

– Ведьма, – неожиданно буркнул не-заместитель старосты. – Говорят, как ведьму хоронят, у них всегда грей.

– И часто у вас тут хоронят ведьм? – небрежно спросил Юрек и тут же пожалел, потому что недобрый взгляд местного налился еще большей недобротой.

Макар Ильич, напротив, заюлил, засуетился. Подбежал сбоку и подсунул голову с изрядной плешью чуть ли не к самому носу деса.

– Не часто, что вы, господин десенситизатор, не часто. У нас приличный район. У нас высокая рождаемость. И хочу добавить, в город, вот как эта девушка, Михайлова Галина, не уезжают. Медом туда не заманишь.

– А чего же она поехала?

Заместитель улыбнулся половиной рта, от чего стал похож на паралитика. У церкви зажегся одинокий фонарь. Вороны продолжали каркать.

Не ответив на вопрос, Макар Ильич ловко вскочил на церковное крыльцо и распахнул одну из двух дверных, ветхих на вид створок.

– Вы уж не обессудьте, Юрий Анатольевич, а мы вас тут запрем. Второго, хе-хе, воскрешения живых мертвецов нам не надобно.

«Запрем и не надобно», – явственно прочлось во взгляде угрюмого.

– Вы в курсе, что ведьма не в состоянии выйти из круга?

– Из круга не в состоянии, – покорно кивнул Макар Ильич и потупился.

Второй просто толкнул Юрека в спину и, убедившись, что бурсак влетел внутрь, захлопнул за ним дверь.

* * *

В церкви горели свечи. Юрек мотнул головой – снова зачесалось скакнуть в вирт и взглянуть оттуда, до того нелепо смотрелись эти наклепанные на все относительно ровные поверхности желтые столбики. Потянул носом. Пахло горячим, наверное, расплавленным воском или парафином, из чего их там сейчас делают. Еще чем-то приторно-сладким. Ладаном? Со стен смотрели суровые лики святых, купол терялся наверху, в темноте, не рассмотришь, что там изображено.

Крепкий гроб номер два стоял неподалеку от кафедры, прямо на полу. Цветов на нем не было, никаких украшений, только дерево и простые металлические ручки.

Юрек прошелся туда-сюда, прислушиваясь к скрипу половиц. Когда он проходил мимо, огоньки свечей начинали мерцать, лица на иконах, казалось, морщились и провожали укоризненными взглядами. Чего, мол, сюда приперся, богохульник, со своими языческими девайсами? Не видишь, хороним девушку стройную, девушку бледную, к тому же талантливого дизайнера.

Нет, правда талантливого.

Юрек успел посмотреть некоторые ее работы. Галина дизайнила хюгге, у нее был сверх-актуальный стиль – помесь славянского и скандинавского, сейчас такой фьюжн на пике моды. Она не просто выстраивала интерьер вирт и реальных жилищ, она вселяла душу, настроение, она строила жизнь тех, кто покупал ее работы. Ни одного самоубийства в ее домах, что, учитывая средний уровень по городу, уже само по себе достижение.

Все это мало вязалось с мертвой ведьмой и картиной из дерьма и крови, со спятившими взрослыми и детьми.

Печально.

Выбросы всегда печальны.

Юрек пожал плечами и достал из кармана пачку мела.

Древние десенситизаторы, если верить книгам и кинематографу, не отличались глубоким умом. С упорством, достойным лучшего применения, они очерчивали кругом себя и всегда почему-то из этого круга выходили, тут и сказочке конец. Примерно в таких терминах это и обрисовывал им Николай Ефимович Ищенко, преподаватель фольклористики. Но одно дело сидеть в аудитории и вполуха слушать лекцию, а в основном, конечно, резаться в «Дес Метал 4 – Сумерки Богов» в вирте со своим трайбом, другое – оказаться в такой вот деревянной трухлявой церкви со всеми ее сквозняками, скрипами, тенями и непонятными запахами. И конечно же с гробом. Только тут Юрек наконец-то осознал. Действительно, стену очень хотелось выстроить, в первую очередь – вокруг себя. Оградить, затаиться в надежном месте. А надо было – вокруг гроба.

Юрек расчехлил колонку. Колонка настроилась сама, оценив площадь и высоту помещения, расположение объекта и прочие детали. Колонке предстояло начитывать то, что селяне считали главами Священного Писания. На самом деле это был код, для реала в основном звуковой, для вирта – визуально-цифровой. Юрек не раз видел проекцию работающей колонки в вирте – эдакий световой цилиндр, по стенкам которого бегут рисунки и письма, обладающие смыслом лишь для объекта. Для выброса. Для отколовшегося и обретшего некое сумрачное подобие сознания куска нейросетевого кода.

Мел тут был нужен вовсе не с ритуально-магическими, а с сугубо практическими целями. Колонка сосредотачивала сигнал в определенном радиусе вокруг объекта, и полезно было отметить его границу, чтобы случайно не влезть внутрь. Плюс, конечно, объект знатно орал, а точнее, вибрировал в инфразвуковой области и отчасти в слышимых частотах. Этот сигнал вначале давили затычками, потом научилась и сама колонка, но опять же в ограниченном радиусе действия. Ну а бурсак (дес, отвяжись уже, поганое деревенское прозвище) тут нужен был с одной-единственной целью. А именно – в качестве приманки. Выброс хотел покинуть мертвое разлагающееся тело и переселиться в другое, живое и функциональное. Только проделать эту нехитрую процедуру в сельской местности было сложно, а точнее, не с кем. Нейросеть могла законнектиться только с чипированными.

* * *

Юрек подошел к гробу вплотную, даже ненужно близко. Для того чтобы запустить колонку и начертить круг, такая близость не требовалась. И все же... тянуло что-то, болезненное какое-то, тошнотворное любопытство, отдаленно похожее на голод. Тянуло взглянуть на ведьму в реале. Действующих ведьм он никогда раньше не видел, только записи и тренажеры. Сейчас ведьма была еще безопасна, до заката оставалось около четверти часа. Открыть, не открыть?

От гроба несло холодом, плесенью и цветами. Очень сладкий, перебивающий аромат ладана запах. Лилии. Крышка была, разумеется, наглухо заколочена. Препятствие для селян, пожелавших (хотя с чего бы) взглянуть на покойницу, для него тоже, но меньшее. Чипированные не приобретали сверхсилу, как в старых комиксах. Но сконцентрировать усилие, чуть пре-
взойти возможности обычного человека – почему бы и нет. Он стиснул холодные ручки и резко дернул. Затрещало. Запах цветов многократно усилился. Юрек отставил крышку, заглянул в гроб – и его затошнило. То, что он увидел, не фигурировало в полицейском рапорте, местные тоже как-то забыли упомянуть одну важную деталь.

* * *

...Их занимательный разговор о луддитах тогда продолжился, но уже без Женьки. В клубе «Акация», где в реале подавали неплохие коктейли и треки, а в вирте, для избранных, подавали кое-что поэксклюзивней. К избранным, впрочем, студенты не принадлежали, даже Масляков с его внушительным банковским счетом и связями в разных кругах. Поэтому сидели на барных табуретах, жмурясь от пульсирующих огней, тянули вискарь и пилились на пляшущих девок.

– Насчет их девчонок, кстати, – вокализировал Масляков, будто они и не прерывали разговор, – и контрацепции. Можешь вообще не бояться. Знаешь, как они себя называют?

– Ну как?

– Чистые.

– А мы типа грязные?

– А мы типа чипированные. Заразные, значит.

– Эксклюзе муа, с чего это мы заразные? Боты не передаются половым путем.

– Это мы знаем. А они считают иначе. Короче, мы с моей Оксанкой трахались в двух презиках, а целоваться она отказывалась. Вообще никакого обмена физиологическими жидкостями.

– Вот это у вас высокие чувства.

– Ну, какие есть, – развел руками Масляков. – На безрыбье, знаешь. Ты же со своей Женькой на стадии платонической анемии?

Юрек не очень знал, на какой стадии они с Женькой. Может, вообще ни на какой. Зыбкая френдзона все время пыталась перерасти во что-то большее, только никак не перерастала, как эта пульсация света и музыки никогда бы не переросла в органную симфонию. В тот единственный раз, когда Юрек набрался смелости и спросил, в чем, собственно, проблема, Женька отвела взгляд и пробормотала: «Извини, но ты страшный».

«Страшный?!» – чуть не завопил он и даже прикусил палец.

«Нет, не в смысле внешности, – быстро поправилась девушка. – Ты очень даже симпатичный. Но Николь тебя боится, разве ты не замечал – при тебе она никогда не показывается».

«Какая еще Николь?» – уже действительно заорал он, но ответа не получил.

Лучше уж было сменить тему.

– Так что, они считают, что ты их чипируешь через поцелуй?

– Ну, типа того. Я ей и образовательные ролики вкатывал – все добровольно, персонализированно, все после совершеннолетия, через плацентарный барьер не прошмыгнет, в разлуке с хостом сразу зачахнет... Нет, не берет их это. Темный народ. Суеверный.

– Зато спокойный и простой.

– Вот это да. Ну, за простых и спокойных, не чокаясь!

* * *

Простые и спокойные проделали в животе ведьмы – при жизни или пост-мортем – здоровенную дыру. Как будто хорошо поворошили там колом. Возможно, именно так и было. Юреку хотелось взглянуть в лицо мертвой, но невозможно было оторвать взгляд от этой дыры, из которой мучительно пахло лилиями. Что еще хуже, девушка явно была на шестом или седьмом месяце беременности. Картина вырисовывалась жесткая и простая – залетела-таки от городского (ей, чипированной, уже нечего было терять), что-то не срослось, решила вернуться к родным. А родные, чистые то есть, простые и спокойные, ее колом в живот. Если, конечно, не предположить, что в животе был зародыш чужого и наружу он вырвался сам, но тогда и рана бы выглядела иначе, все-таки немного их анатомии учили. И главное, суки, ни в рапорте, нигде, тишком, и даже стерва малолетняя Ганна ни словом. Заболела и быстро исчахла. Лихорадка невыясненной природы, проведем анализы – определим, так, кажется, выразился этот их опер из райцентра. Зашибись. Понятно, по крайней мере, почему она встала. После такого Юрек бы и сам встал. Выбрался бы из гроба и отомстил обидчикам, как умел. Отобрал бы то, что отобрали у него, – детей. Высшая, по сути, справедливость.

«Нельзя это так оставить, – угрюмо думал он, отступая от гроба и механически выполняя все, как учили: активировать колонку, нарисовать круг. – Тут вся полиция повязана, значит, надо завтра вызвать отряд из города. Пусть разворошат их гнилое гнездо. Чистые, а то как же. Славные обычаи старины».

Тут колонка издала резкий, дребезжащий звук. Пора. Где-то там, снаружи, день угас необоримо и окончательно, до последней световой капли, и наступила ночь. Время магии и колдовства, как верили эти, спокойные и незамутненные. Время ведьм.

* * *

Колонка мигнула синим огоньком полного заряда и зависла примерно в четырех метрах над полом, чтобы ни в каком диком прыжке мертвая до нее не дотянулась. А она будет. Юрек не сомневался. Видел в учебных записях. Как только выбросы ни раскорячивались, лишь бы добраться до колонки. Изломанные фигуры пытались карабкаться по стенам или по воздуху в реале, а их виртуальные двойники, распластываясь пауками, ползли по лестницам из горящих символов, ползли и скатывались, обжигаясь и сгорая почти целиком.

Дес сморгнул, и глаза закрылись мембранами, прозрачными с его, внутренней стороны и абсолютно непроницаемыми с внешней. Хотя, если посмотреть со стороны, ничего не менялось. Та же серая с зеленой радужка. Это в старых аниме десенситизаторов изображали сначала в темных очках, а потом с зеркальными или абсолютно черными глазами, чтобы нагнать крипоты. На самом деле менялся только узор сетчатки. С врожденного и определенного генами на, так сказать, корпоративный портал. QR-код, ведущий выброс в его личную цифровую бездну. В мешок из кода, ловушку, где беглеца расчленили и приступали к тщательному изучению.

Юрек оглядел пустые ряды скамей, деревянных, с прямыми неудобными спинками, да еще и заставленных теперь горящими свечами. Подпалить себе волосы не хотелось, так что он поджал ноги и уселся прямо на пыльный церковный пол в паре метров от границы круга. В

первую ночь по инструкции предлагалось впасть в медитацию. Юрек знал, что раньше вместо медитации десы в основном резались на носимых устройствах в пауэр-крафт и другие игрушки, ну или включали музыку, фильмы – все что угодно, чтобы заглушить ведьмин вой.

Играть не хотелось. Впадать в медитацию тоже не особо. Он взглянул на гроб.

Пока все было тихо.

Может, эту ведьму все же основательно упокоили местные и он зря сюда притащился? Нанесли, так сказать, несовместимые с двигательной активностью повреждения физической оболочке выброса?

Тоже действенный способ, если не хочешь отловить и проанализировать беглеца. Просто сжечь труп. Просто сжечь...

В гробу завожилось. Колонка наверху мигнула и тихонько загудела.

Из-за кромки показались бледные пальцы.

Юрек сглотнул.

Одно дело учебка, другое – ощущать себя героем старого черно-белого ужастика.

Пальцы шарили, словно пытались нащупать крышку, словно обитатель гроба недоумевал – куда делось? Дес ощутил глупейшее желание подскочить и вернуть крышку на место, оказать ведьме эту небольшую услугу.

Гудение стало отчетливей, в нем прорезались слова, мешанина старославянского, арамейского и латыни – или вообще какого-то четвертого, машинного языка, в сетевую нейролингвистику Юрек никогда особо не вдавался.

Вспорхнуло и голубиными крыльями затрепетало под сводом эхо. Шарящие пальцы втянулись внутрь, и ведьма торчком села в гробу.

Между лопатками защекотало. Ведьма завращала головой, сначала медленно, потом быстрее, неестественно быстро, нашаривая... взгляд?

* * *

На фольклористике Ищенко рассказывал им про Вия. Мол, заплутали бурсаки в мало-росской степи, наткнулись на какую-то мазанку, где заседала ведьма, еще из архаичных, несетевых. Бурсаки ведьму отбурсачили, а потом выпало одному из них счастье покойницу отчитывать. Три ночи просидел Хома Брут в церкви, три ночи, пока не явился Вий и не заглянул ему в глаза.

– Что было раньше, курица или яйцо? – обычно интересовался в этом месте Ищенко.

– Динозавр! – обязательно вопил кто-то из аудитории.

Ищенко сухо ухмылялся. Его голубые, неестественно голубые глаза на пожилom лице вспыхивали искорками. Поговаривали, будто Ищенко постоянно носит мембраны, такие вот экзотические, другие говорили, что это вообще искусственная радужка и что препод когда-то лишился глаз на оперативном задании. Девчонки заглядывались, несмотря на возрастной гэп лет примерно в пятьдесят. Парни наливались тихой злобой.

– Наши недалекие предки не знали, что узор сетчатки позволяет однозначно идентифицировать человека. Тем не менее они считали глаза зеркалом души, через которое нечисть может добраться до самой сущности человека, до его нежной мякотки. Вот вы, Масляков, как объясните, что в начале нашей деятельности десенситизаторы носили темные или зеркальные очки?

– Чтобы выброс не смог считать по сетчатке ID, вскрыть защиту и переключить на себя управление чипом, Николай Ефимыч! – бодро рапортовал Масляков.

– Все верно, все верно. А чем это грозило, Замятина?

– Каждый десенситизатор имел индивидуальный доступ к сети Академии, а также к другим госструктурам. Подобный взлом мог не только уничтожить личность десенситизатора, подчинив его выбросу, но и дать доступ к защищенным системам...

– Все так. А теперь растолкуйте мне, коллеги, что было раньше – курица или яйцо? Наши невежественные предки каким-то седьмым чувством понимали, как будут действовать системы идентификации через триста-четырееста лет, или мы зачем-то скопировали их дремучие верования, интегрировав в свои ритуалы безопасности?

Народ в аудитории безмолвствовал.

Как узнать?

* * *

Очень хотелось выйти в вирт и посмотреть на светящуюся стену из символов, защищавшую его от выброса, но увы. Оставалось лишь, сжавшись комком, наблюдать за тем, как ведьма водит руками, нащупывая, нащупывая что-то, нацеливаясь на живое тепло. Невыносимо пахло лилиями. И ладаном. Треск свечей заглушили звуки колонки, сумрачная многоголосая литургия – хоть сто раз перечитывай первоисточники, не поверишь, что один бурсак голосом мог изобразить что-то такое, что удержало бы ведьму хоть на миг.

Колонка мерцала уже в полувидимом спектре, раскаляясь, как капля плавящегося олова. Юрек знал, что все это фантазии, что не могут пластик и микропроцессоры пылать живым угольком, но, может, так их видела ведьма? Она запрокинула голову. Грива вороных волос, совсем как у маленькой Ганны, рассыпалась по узкой спине. Ведьма протяжно завывала и потянулась вверх, она не встала – ее как будто вздернула невидимая сила, скрюченные пальцы распрямились, неестественно вытянулись, пытаясь добраться до колонки. Звук песнопений стал невыносимым, зачем из набора убрали беруши?! Юрек зажал уши руками, вжал голову в колени и неистово пожалел, что ему выпала такая удача с полевой практикой.

* * *

...А потом трижды прокричал петух.

2. Десенситизатор

Все бы ничего, но вот сны.

«Вы не должны винить себя. Поймите, Георгий, таковы были заданные мной условия. Хотите обвинять кого-то – ну давайте, свалите все грехи на меня».

Н. Е. Ищенко – особые остроумцы зовут его НЕИщенко – пристально взглядывается в лицо студента неестественно голубыми глазами.

Юрек молчит.

Он молчит, хотя мог бы обвинять преподавателя, орать, как орал Славка, когда узнал, что произошло с Женькой. Славик тоже ушел после той злополучной сессии, куда-то в торговлю, к папаше. Оказывается, и он любил Женьку, кто бы мог подумать, что Масляков способен на любовь. Может, Женька любила его и поэтому избегала Юрека? Как теперь узнать?

«Человеку желательно понимать свою природу. Десенситизатору – желательно вдвойне. Тем более что в последние десятилетия наша природа двояка. Мне следовало бы догадаться, потому что ваш помощник никак себя не проявлял. Просто доступ в вирт-пространство, удобная прилога, да? Молчаливый ассистент, не имеющий ни лица, не имени, ни личности. Вас это не смущало? А должно было смутить».

«Почему Георгий?»

НЕИщенко показательно изумляется.

«О чем вы?»

«Почему вы всегда зовете меня Георгием?»

«Потому что это ваше паспортное имя, под которым вы проходите по спискам студентов в деканате».

Фольклорист хмурится.

«Знаю, что вы предпочитаете зваться Юрием, но имена важны. У вашей прилоги, я так понимаю, и имени нет? Не находите странным хотя бы это?»

Внезапно он встряхивает серебристо-седой гривой и скупно улыбается.

«Их называли прилогами в моем детстве, вы, наверное, уже и не застали. А вы знаете, что такое прилог на церковнославянском? Первый шепот дьявола в уши, первый маленький шагочек к греху. Жители сельской местности так и относятся к нам, городским».

Юрек молчит. Дьявол тоже молчит и в уши не шепчет, по крайней мере в этом сне.

Утро выдалось туманным и оттого мокрым. Росистым.

Роса выпала на траву, на листья и на церковное крыльцо, и крыльцо сделалось скользким.

Рассвет занялся к пяти. Юрек долго колотил ладонями в церковные створки, не меньше получаса после того, как ведьма улеглась обратно в гроб, а колонка затихла.

Но селяне не спешили. Лишь тогда, когда день окончательно вступил в свои права, с той стороны двери забренчал, и створки распахнулись. Юрек почти вывалился на крыльцо, поскользнулся, но удержал равновесие. После затхлой и душной церкви пробрало утренним холодком, по плечам пробежала дрожь.

– Смотри, и не седой совсем, – радостно провозгласил заместитель старосты Макар Ильич.

Второй, суровый, скорчил совсем уже козью морду.

– Продул ты мне, Василек, – продолжил радоваться заместитель.

– Подожди второй ночи, – угрюмо буркнул второй.

– Не-е, спорили на первую, давай уж раскошеливайся.

Угрюмый Василек неохотно полез в карман. Юрек оттолкнул его, бегом спустился с крыльца и проблевался в росистую траву.

– Ох ты ж горемычный, – взвизгнуло сзади голосом Макара Ильича. – Не учел, Василек, не учел, надо было и на это поспорить.

«Чтоб вы сдохли», – с тихой ненавистью подумал Юрек, вытер ладонью рот и развернулся, намереваясь учинить заместителю допрос и разгром.

Заместитель и угрюмый стояли рядом на крыльце, и чувствовалась в них какая-то общность, несмотря на проигранный спор, и ясно было, кто здесь заодно, а кто чужак.

– Вы извините, молодой человек, – хмыкнул Макар Ильич, хотя ни малейшего сожаления в его голосе не было. – Поспорили мы с Васильком. Я вот говорил, что вы парень крепкий и не такое видели, а Васька заладил – поседеет, если вообще копыта не откинёт. Простите нас, дураков неученых, у нас тут, как у вас, развлечений-то особо нет, в турниры ваши и гонки не приучены, коктейлей и прочих стимуляторов не потребляем, только и остается, что по старинке.

Дес подошел к крыльцу и задрал голову.

– Вы зачем девушке живот проткнули? Совсем тут с ума посходили? Ее убили и ребенка. Вы понимаете, что пойдете за это под суд?

Угрюмый не изменился в лице, а Макар Ильич усиленно заморгал.

– Бог с вами, Юрий Анатольевич! За кого вы нас принимаете? Нешто мы ироды какие-то? По правде живем, по правде и помираем. А девка эта, Галина Михайлова... так она все сама. Старосту вы нашего уж лучше не трогайте, а вот дочку его меньшую можете опросить. Она и следователю все подробно описала. А уж что там у него в рапорте...

Макар Ильич развел руками.

– Не хотел, может, на покойницу такое писать. А вы расспросите, расспросите. У Ганьки сейчас тренировка по теннису будет. Сходите и сами все разузнайте, а мы и не скрываем ничего.

Юрек плюнул, развернулся и пошел к деревне. За спиной у него негромко, но обидно заржали.

* * *

В клуб, а именно там проходили тренировки по теннису, десенситизатора пустили без всякой проверки. Не как в городе – при попытке проникнуть в любое административное здание двух-, трехстадийная верификация, полное сканирование, хорошо еще, если не личный шмон. Здесь средних лет вахтерша оторвала взгляд от книжки (бумажной!), которую неторопливо читала, так же неторопливо оглядела раннего посетителя и ткнула пальцем за спину, в сторону коридора с рядом светлых дверей. Клуб для здешних гребеней был удивительно продвинут. Шахматная секция, авиамодельная, робототехника (о как! Чипироваться нельзя, а робокомбайны, оказывается, можно). Несмотря на ранний час, некоторые двери были открыты, вокруг столов толпились детишки от пяти и до пятнадцати по виду лет. Оглядывались на деса с интересом, но без удивления и вражды.

– Где тут теннисный корт? – спросил он, заглянув в авиаконструкторскую.

Инструктор, парень лет двадцати, стоявший у крупной модели двухмоторного аэроплана, обернулся и махнул рукой:

– В конце коридора будет выход на улицу. Там теннисный корт, волейбольная площадка и бассейн.

Во как. У Юрека в школе был бассейн. В соседних, поновее, не было, и зачем? Не говоря о секции робототехники. Геймклубы и вирт-симуляторы – да, но чтобы модельки собирать... Может, это даже и интересно. Возиться, трогать руками, прикручивать что-то... когда еще десять человек пыхтят своими микробами тебе в затылок. Деса слегка передернуло. Ну уж нет, толпы – вообще не его тема. В толпе его вечно подташнивало и хотелось то ли всех убить, то ли растолкать и бежать прочь как можно быстрее.

Юрек распахнул дверь и вступил сразу в яркий солнечный свет, настолько яркий, что в первую секунду его почти ослепило, несмотря на мембрану. Мембрану он, кстати, так после веселой ночи и не отключил. Почему-то показалось, что дополнительная защита будет не лишней.

На травяном корте перебрасывались теннисным мячом две пары. Парень-девушка с каждой стороны.

Ганну он узнал не сразу. Там, на пруду, она казалась тощенькой, бледной, одни руки, ноги и коленки. А здесь вполне крепкая девчонка в короткой юбке, футболке поло и белой спортивной повязке лихо стучала ракеткой по мячу. Даже загар откуда-то появился. Точно ли та же Ганна? Может, вчера ему явился болотный морок, а не настоящая девочка? Юрек тряхнул головой, отгоняя глупые мысли, и крикнул, перекрывая удары мяча:

– Ганна! Ганна, привет, можешь перерыв сделать?

Девочка опустила ракетку, и мяч, сыто хряпнув, ударился о траву на ее половине.

– Ганка, ты чего? – возмущенно завопил ее вихрастый партнер.

Девушка отмахнулась, положила ракетку и зашагала через поле, вся в золотистой короне из солнечных лучей.

* * *

Они засели в столовке, примыкавшей прямо к клубу. Ганна медленно тянула через трубочку молочный коктейль. Юрек, вдруг ощутивший ужасный, нестерпимый голод, спешно заглатывал деруны и парящую желтоглазую яичницу. Рядом блестела глянцевым боком здоровенная кружка крепкого бразильского кофе. В общем, живи и радуйся, но...

– Это правда? – спросил дес, отрываясь от тарелки и глядя на новую, утреннюю Ганну.

– Правда – что?

– Так, извини. Торможу. Ночка выдалась та еще.

Ганна бросила трубочку и перегнулась через стол, дыша чуть ли не в лицо Юреку.

– Она вылезла из гроба?

В этом было столько беспардонного детского любопытства, что дес почти расхохотался. Как будто речь шла совсем не о ее сестре.

– Не то чтобы вылезла, но довольно энергично в нем прыгала. И на нем тоже. Лучше скажи, правда, что она сама... причинила себе вред?

Формулировка была предельно тупая, и Ганна не замедлила этим воспользоваться.

– Причинила себе вред! – Девчонка фыркнула молоком, забрызгав полстола. – Ну, вы, городские, даете. Вы всегда все стараетесь обойти? Человек спрыгнул с крыши, а вы типа «его вестибулярный аппарат дал легкий сбой». Так, что ли?

– Ладно. Правда, что твоя сестра сама вспорола себе живот, убив собственного ребенка?

Усмешка Ганны стала кривой, но и только.

– Правда... Но что есть истина?

– Что?

Юрек вскинул голову. Глаза девушки на мгновение стали совсем черными, будто зрачок затопил радужку, но секунду спустя все выровнялось. Тот же карий любопытный взгляд.

– Правда, говорю, что она домой прибежала. Потому что дико испугалась.

– Чего? Беременности?

– Вот уж чего наши не боятся. Здесь у всех по пять мелких, по шесть, не видел, что ли? Беременность, блин, ужас-ужас. Нет.

– А чего? Что залетела от городского? Что ее не поддержат... не знаю...

– Слушай, не будь идиотом. Галка всегда была смелая. И успешная. Ей не нужна была ваша поддержка и какой-то левый мужик. Она бы сама ребенка вырастила, вообще без проблем.

Юрек скептически поднял бровь. Ганна возмущенно нахмурилась.

– Думаешь, я маленькая? Скорая из района не приехала, Галка была в училище, я Полькины роды сама принимала.

– И во время них умерла ваша мать?

Взгляд девушки сделался тяжелым.

– И во время них умерла наша мать. Но не по моей вине. Тазовое предлежание. Потом прибежала повитуха из фельдшерского пункта, помогла немного. Но кровотечение остановить уже не смогли. Короче. При чем тут это вообще?

– Я не знаю при чем, – мягко ответил дес. – Все может быть и при чем, и ни при чем. Может, Галина боялась родов, учитывая, что произошло с ее матерью, подсознательно ненавидела младенца...

– И поэтому ее чип перемкнуло. Отличное объяснение. Да ты, блин, психолог, а не бурсак.

– Я не бурсак. Я десенситизатор.

– А Галка не психопатка. Это вы вставили ей чип. И вы заразили ее ребенка!

– Стоп!

Он привстал, опираясь ладонями о стол и чувствуя, что руки слегка дрожат – то ли от недосыпа, то ли от этого разговора.

Другие сидевшие в столовой оборачивались, но быстро возвращались к своим тарелкам. Ну, подумаешь, приезжий десенситизатор ругается с девочкой-подростком, обычное же дело, не стоит внимания, омлет и сырники куда важнее.

– Что ты хочешь сказать? Что зародыш...

– Федя, – яростно прошипела Ганна, сузив глаза. – Она хотела назвать его Федькой. Федька отлично развивался до пяти месяцев, до второго скрининга. А потом в него вселилась гребаная одержимая нейросеть. Не в Галку. В него.

Юрек опустил на стул и сжал ладонями голову. В висках немилосердно гудело, яростно бился пульс.

– Это невозможно. Ты же знаешь, что невозможно. Боты не проходят плацентарный барьер.

– А вот прошли. Может, они тоже мутируют. Откуда вы знаете? Вы же только делаете вид, а сами не знаете ни черта!

Есть несколько непреложных законов. Правил безопасности. Того, что встраивалось в наноботы чипов изначально, что заложено в основу их конструкции.

Боты не проходят плацентарный барьер. Не передаются от хоста любому другому хозяину ни половым путем, ни при переливании крови. Покинув организм хоста, бот погибает в течение нескольких миллисекунд. Чипироваться можно только добровольно, по достижении совершеннолетия, заверив согласие на операцию ЭЦП, только в сертифицированных клиниках.

Все так. Но ведь формально боты и не покинули организм матери, проникнув в эмбрион... Повышенная проницаемость сосудов плаценты? Как? Черт возьми, как?

– Она это поняла не сразу, – донесся откуда-то издалека голос его собеседницы.

Ах да. Ганны.

– Говорила, кто-то начал ей в голове нашептывать, не ее ассистент, она свою нейросетку Маруськой звала, а другой. И видения. Очень страшные. Кровь. Ей казалось, что она размазывает по стенам кровь, человеческую, и стены начинают светиться. Что если добавить кровь в штукатурку, получится замечательный узор. А потом в этом доме будут жить очень, очень

счастливые люди, счастливые и мертвые, они будут ходить и думать, что живы, но за них все будет делать нейросеть. Галка очень испугалась. И сбежала. Надеялась, что тут оно замолчит, в Околицах же нет подключения к Сети. Но оно продолжало шептать, каждую ночь, и днем тоже. А четыре дня назад, когда меня и папы не было дома, а Польша была в садике, она вышла во двор. Папа как раз забор чинил, обтесывал с вечера колья. Она взяла кол. И воткнула себе в живот. И вот так мы ее нашли. Все? Все рассказала? Или тебе еще этот кол с ее отпечатками предъявить? Так он у следователя. Пойди, помаши удостоверением, или как они там у вас, регистратором со лба читаются?

Ганна шипела, но Юреку было не до ее злобы. Надо было срочно связаться с куратором курса. С отделом информационной безопасности. И, наверное, с дирекцией. От практики его, конечно, отстранят, вышлют специалистов покруче, но это неважно, главное – отловить выброс и узнать, как он проник в зародыш, нарушив все и всяческие законы.

И еще очень хотелось спать. Нестерпимо, нестерпимо хотелось спать.

Где-то далеко вилка звякнула о тарелку и приглушенно взвизгнула Ганна. А потом чернота.

Все бы ничего, но вот сны...

...В старой церкви горят свечи, сотни свечей, и одуряюще пахнет – воском? Ладаном? Он-я-Брут истошно мечется по внутреннему меловому кругу, забыв про Писание, голосит ведьма, призывая Вия. Сотни мелких чертей, суетливых порождений AI-тренажера, толкают и тащат увесистое чудище, до идиотизма похожее на то, в старом черно-белом фильме, замшелого подземного гнома, но ничего нельзя сделать, ничего – гном открывает глаза, прожекторы тусклого желтого света, и попытка опять заканчивается провалом...

В зимнюю сессию Иценко дает второкурсникам практическое задание – раскатать в симуляторе историю ведьмы и бурсака так, чтобы выжил бурсак. Удивительно простое на первый взгляд, но на зачете режутся все, раз за разом. Тогда, чтобы «стимулировать креативность» студентов, фольклорист ставит их в пары. Играть не против нейросети, а против живого противника. Пары определяются жеребьевкой. Юреку выпадает играть против Женьки. Слепой случай, это мог быть кто угодно, например Славка. С тем же эффектом, но тогда было бы не так... больно? Стыдно? Но что такое боль и стыд во сне внутри сна?

В старой церкви так тихо, что страшно дышать...

Юрек открыл глаза.

Сияние свечей, такое неверное и тусклое вчера, ослепляло. Свечи были всюду. На секунду показалось, что он сам лежит в гробу, утыканном сотнями свечей.

Потом зрение сфокусировалось, и одновременно вернулась память.

Он резко вскинул руку, чтобы активировать браслет.

Браслета на руке не было.

Полоска незагорелой кожи там, где всегда, сколько себя Юрек помнил, браслет. И все.

Голова пульсировала, как огромное яйцо, которое нетерпеливо долбили изнутри клювом. Напряг шею, плечи, попробовал приподняться. Оторвал все-таки себя от пола, преодолевая боль...

В полуметре от его лица на скамейке, безвольно свесив руки, лежала Ганна. На виске у нее темнела здоровенная ссадина, длинные темные волосы спутались, а лицо было еще бледнее, чем накануне на пруду.

Справа маячил гроб. Закрытый. Значит, ночь еще не наступила, время есть.

Тихо выматерившись, Юрек вскочил и, прихрамывая, поспешил к двери. Заколотил что было сил в старое дерево.

Дверь была закрыта снаружи. В ответ на его суматошный стук из-за двери донеслись голоса, потом их перекрыл один голос. Знакомый. Блеющий голосок Макара Ильича, заместителя старосты.

– А ты, милый, не колотись. Успокойся там.

– Дверь открой, старый козел! – рявкнул дес. – Хочешь меня заставить замолчать, ладно, девчонку пожайлей.

За дверью разноголоса заворчал, потом затихло опять. Юрек трижды звонко пнул створку, та завибрировала, но не поддалась. Хорошо же строили этот сарай, на совесть. Или с таким вот расчетом и строили. Запереть и... и что? Поджечь?

Он оглянулся на окна, наполовину ожидая увидеть там железные решетки. Решеток не было. Но сами окна прорублены так высоко, что почти терялись в сумраке свода. Если составить вместе скамейки...

– Ты, милый, не пытайся бежать, – как будто прочел его мысли Макар Ильич. – Мы тебя и девку, если что, тут встретим. Не хотелось бы, конечно. Мы люди мирные. Честные и богобоязненные. Василь вон чуть не плакал, когда девку твою огреть пришлось, полезла тебя, дурня, защищать. Грозила все, что в район на нас донесет, ректору вашему позвонит. Ха. Как будто район и ректор не в курсе.

– Островский? – выпалил Юрек и тут же мысленно обругал себя, нечего вестись на их ложь.

– Может, и Островский. А может, и Пушкин Александр Сергеич, – гыгыкнуло из-за двери. – Думаешь, им приятно, что ваши технологии... пошаливают. Сбоят технологии-то ваши. Ты же все понимаешь, милый. Это ж каждая чипированная барышня теперь, считай, под богом ходит. А их у вас там сколько в городе, пять миллионов? Больше? А по стране? А по миру? А оно надо им знать? Рождаемость у вас и так не ахти, а тут много кому захочется... превентивно, значит, чтобы не случилось чего. А страховки им плати? Сколько денежек-то, прикинь? Вот то-то.

Невозможно, нелепо все это... Как же инструкции, как же выбросы? Или все выбросы... вот такие? И им ввали всегда? Или все же врет этот козлоголосый Макар Ильич, врет просто так, из чистой любви к вранью?

– Что со старостой? С Михайловым? Где он? Он подписался на то, чтобы вы сожгли его дочь?

– В дурке Михайлов. Скоропостижная деменция на почве нервного срыва. Так что теперь, извини, я тут староста. И ты лучше от двери отойди. Не хотелось бы ненароком... причинить тебе вред.

За створками заржали. Сначала неуверенно. А потом в голос, хором. Хором из многих голосов.

Новоиспеченный староста Макар Ильич громко цыкнул. Народ у церкви притих, и староста договорил:

– Не будем мы никого жечь. Не возьмем грех на душу. Ведьма вас сама порешит и в гроб обратно залезет. А уж на третью ночь мы тут все от греха спалим, скажем, мол, противопожарная безопасность у нас не на высоте, свечи, дерево старое, сухое. Инцидент.

Последнее слово Макар Ильич произнес с ощутимым удовольствием, насколько можно было расслышать через три сантиметра древесины.

– Вы мне что в еду подсыпали, добрые, богобоязненные люди? Где мой браслет?

– Браслет где надо, – прокаркал другой голос, не старосты. Василька. – А насчет еды не бойсь. От этого ты точно не помрешь.

Очень хотелось прокричать что-то вроде «Горите в аду», но это было слишком глупо. К тому же из-за спины послышалось слабое движение и стон. В первую секунду волосы на затылке деса встали дыбом, но это всего лишь приходила в себя Ганна.

– Горите в аду! – все же проорал он и кинулся по проходу между скамьями к амвону, где покоился гроб и гибернирующая в нем ведьма и где, шипя от боли, усаживалась на скамейке ее младшая сестра.

Бурсак Хома Брут поглядел Вию в глаза, и Вий увидел его. Тут на бурсака накинлись все черти, и покойники, и кикиморы, и навь, и какая еще там была панславянская нечисть. И били его и терзали, пока трижды не прокричал петух, а потом все испустили дух и обратились то ли в дерево, то ли в камень. Короче, всем кранты.

Интересно, Ищенко Николай Ефимович тоже в курсе, на какую полевую практику отправили его не лучшего ученика?

– Можно поджечь гроб, – размышлял Юрек вслух, сидя на горячей от свечного тепла скамейке. – Но тогда, скорей всего, не затушим и сами сгорим. Тут все сухое, хотя и трухлявое.

– А если правда Евангелие читать? – упрямо повторила сидевшая рядом Ганна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.